

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ЗАКОН НАСИЛИЯ
И ЗАКОН ЛЮБВИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 37

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906–1910 гг. Закон насилия и
закон любви
(Весь Толстой в один клик)**

Содержание

Лев Николаевич Толстой Закон насилия и закон любви (1908 г.)	0005
#2	0006
Предисловие к электронному изданию	0008
#4	0011
ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ	0012
ПРЕДИСЛОВИЕ	0013
I	0016
II	0021
III	0027
IV	0034
V	0038
VI	0044
VII	0049
VIII	0057
IX	0068
X	0080
XI	0090
XII	0097
XIII	0106
XIV	0117
XV	0123
XVI	0132
XVII	0139
XVIII	0146

XIX	0153
ПРИЛОЖЕНИЕ I	0158
ПРИЛОЖЕНИЕ II	0166
ПРИЛОЖЕНИЕ III	0170
ПРИЛОЖЕНИЕ IV	0174
Комментарии П. С. Попова	0177
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ	0177
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0186
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0204
Иллюстрации	0207

Лев Николаевич Толстой

Закон насилия и закон любви (1908 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толсто-
го, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Тол-
стого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к
37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н.
Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-
шите нам*

info@tolstoy.ru

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

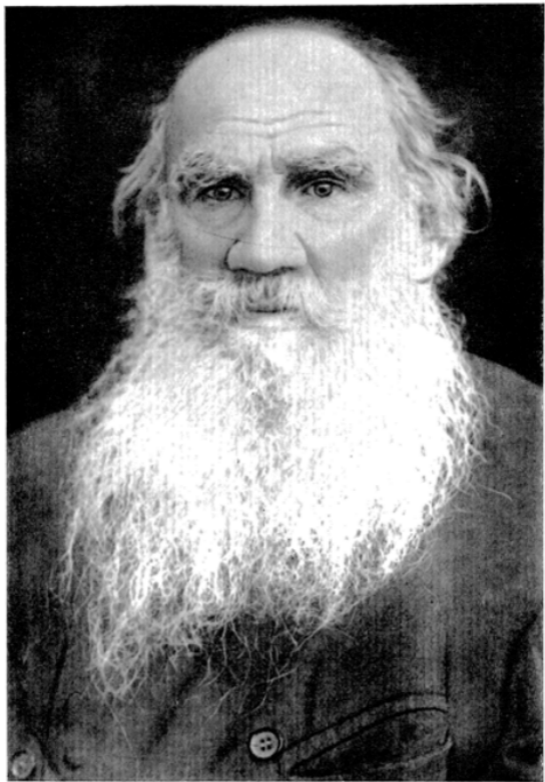
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

ЗАКОН НАСИЛИЯ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и тело и душу погубить.

Мф. X, 28.

Вследствие извращения христианства жизнь христианских народов стала хуже языческой.

Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и установления религиозной истины в себе каждым отдельным человеком.

Страдания жизни неразумной приводят к сознанию необходимости разумной жизни.

Все бедствия и всего человечества и отдельных людей не бесполезны и ведут человечество, хотя и окольным путем, всё к той же одной деятельности, которая предназначена людям: совершенствованию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличались дела его, потому что они злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в боге соделаны.

Иоанн. III, 19—21.

Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его.

Паскаль.

Слава добрых в их совести, а не в устах людей.

Пишу я то, что пишу, только потому, что, зная то одно, что может освободить людей христианского мира от тех страшных телесных страданий и, главное, от того духовного развращения, в которых они все дальше и

дальше погрязают, я, стоя на краю гроба, не могу молчать.

В наше время не может не быть ясно для всех мыслящих людей то, что жизнь людей, – не одних русских людей, но всех народов христианского мира, с своей, всё увеличивающейся нуждой бедных и роскошью богатых, с своей борьбой всех против всех, революционеров против правительств, правительств против революционеров, поработенных народностей против поработителей, борьбы государств между собою, запада с востоком, с своими всё растущими и поглощающими силы народа вооружениями, своей утонченностью и развращенностью, – что жизнь такая не может продолжаться, что жизнь христианских народов, если она не изменится, неизбежно будет становиться всё бедственнее и бедственнее.

Это ясно многим, но, к сожалению, люди часто не видят причины этого бедственного положения и еще менее видят средство избавления. Причиною этого положения признаются многие, самые разнообразные условия и предлагаются самые разнообразные

средства избавления. А между тем причина одна, одно и средство избавления.

Причина бедственного положения христианских народов – отсутствие среди христианских народов общего им всем высшего понимания смысла жизни, веры и вытекающего из него руководства поведения.

Средство избавления от этого бедственного положения, и средство не фантастическое, не искусственное, а самое естественное, состоит в усвоении людьми христианского мира открытого им 19 веков тому назад высшего, соответствующего теперешнему возрасту человечества понимания жизни и вытекающего из него руководства поведения, то есть *христианского учения в его истинном смысле.*

Одно из самых грубых суеверий есть суеверие научных людей о том, что человек может жить без веры.

Истинная религия есть такое установленное человеком отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Если ты сознаешь, что у тебя нет веры, знай, что ты в самом опасном положении, в котором только может находиться человек в этом мире.

Люди могут жить и живут свойственной людям разумной и согласной жизнью только тогда, когда соединяются пониманием смысла жизни, то есть верой в одно и то же, одинаково удовлетворяющее большинство их понимание смысла жизни и вытекающее из этого понимания руководство в поступках. Когда же случается то, что и не может не случаться, так как объяснение смысла жизни и вытекающее из него руководство поведения

никогда не бывает последним, а постоянно всё более и более уясняется, – когда случается то, что понимание смысла жизни, ставшее более точным и определенным, требует вытекающего из этого уяснения иного, чем прежде, руководства поведения, жизнь же народа или народов продолжает идти попрежнему, то жизнь таких народов бывает и разъединенной и бедственной. И разъединенность эта и бедственность не переставая увеличиваются по мере того, как люди, не усваивая свойственного времени религиозного понимания и вытекающего из него руководства поведения, продолжают жить по руководству, вытекающему из прежнего, отжитого уже понимания жизни, и, кроме того, чтобы усвоить свойственное времени религиозное понимание, стараются искусственно придумать такое понимание жизни, которое оправдывало бы их устройство жизни, не соответствующее уже духовным требованиям большинства людей.

Повторялось это много раз в истории, но никогда, я думаю, этот разлад между образом жизни людей, отставших от религиозного

уяснения смысла жизни и вытекающего из него руководства поведения, не был так велик, каков он теперь среди христианских народов, не принявших открытого им христианского учения в *истинном его значении* и вытекающего из этого учения руководства поведения, а живущих и продолжающих жить прежней языческой жизнью.

Разлад этот в жизни христианских народов в особенности велик, я думаю, потому, что объяснение понимания жизни, внесенное христианством в сознание народов, слишком далеко опередило склад жизни народов, принявших его, а потому и вытекающее из него руководство поведения было слишком противоположно не только личным привычкам людей, но и всему складу жизни языческих народов, принявших христианское учение.

От этого-то и произошла та поразительная разъединенность, безнравственность, бедственность, неразумие жизни христианских народов.

Произошло это оттого, что люди христианского мира, приняв, под видом христианства,

церковное учение, отличавшееся в своих основах от язычества только своей неискренностью и искусственностью, очень скоро перестали верить в это учение, не заменив его никаким другим. Так что люди христианского мира, всё больше и больше освобождаясь от веры в извращенное христианское учение, дошли, наконец, до того положения, в котором они находятся в настоящее время, что большинство их не имеет никакого объяснения смысла своей жизни, то есть никакой религии, веры и никакого общего руководства поведения. Большинство людей, рабочий народ, хотя по внешности и держится старой, церковной веры, уже не верит в нее, не руководствуется ею в жизни, а держится ее только по привычке, преданию и ради приличия. Меньшинство же, так называемые образованные классы, большей частью или уже сознательно не верят ни во что и только ради политических целей некоторые из них притворяются, что верят еще в церковное христианство, или же – самое малое меньшинство – искренно верят в учение, несовместимое с жизнью и оставшее от нее, и разными сложны-

ми софизмами стараются оправдать свою веру.

В этом главная и единственная причина переживаемого в наше время христианскими народами бедственного положения.

Бедственное положение это усиливается еще тем, что, так как это состояние неверия продолжается уже много времени, сделалось то, что среди людей христианского мира те из них, которым это положение безверия выгодно, все властвующие классы, либо самым бесовестным образом притворяются, что верят в то, чему не верят и не могут верить, либо, в особенности наиболее развращенные из них ученые, прямо проповедуют, что для людей нашего времени совсем и не нужно ни какого бы то ни было объяснения смысла жизни – веры, ни какого бы то ни было вытекающего из веры руководства поступков, а что единственный основной закон жизни человеческой есть закон развития и борьбы за существование и что поэтому жизнь людей может и должна быть руководима только похотями и страстями людскими.

В этом-то бессознательном неверии народа

и сознательном отрицании веры так называемых образованных людей христианского мира и заключается причина бедствий людей этого мира.

II

*Человек обладает непреодолимым стремлением верить, что его не видят, когда он ничего не видит, – как дети, которые закрывают глаза, чтобы их не увидели.
Лихтенберг.*

Люди нашего времени верят, что вся бессмысленность и жестокость нашей жизни с безумным богатством нескольких, с завистливой озлобленной нищетой большинства, с насильем, вооружениями и войнами, не видны никому и что ничто не мешает нам продолжать жить такую жизнь. Заблуждение не перестает быть заблуждением от того, что большинство разделяет его.

Люди христианского мира, приняв под видом христианского учения составленное

церковью извращение его, заменившее язычество и сначала отчасти удовлетворявшее людей своими новыми формами, перестали со временем верить и в это извращенное церковью христианство и дошли наконец до того, что остались без всякого религиозного понимания жизни и вытекающего из него руководства поведения. А так как без такого общего всем или по крайней мере общего большинству людей понимания смысла и вытекающего из него общего руководства поступков жизнь людей не может не быть и неразумной, и бедственной, то чем дальше продолжалась такая жизнь людей христианского мира, тем она становилась всё более и более и неразумной и бедственной. И жизнь эта в наше время дотла до той степени неразумия и бедственности, при которой она не может уже продолжаться в прежних формах.

Большинство рабочего народа, лишенного земли и потому возможности пользоваться произведениями своего труда, ненавидит землевладельцев и капиталистов, держащих его в рабстве. Землевладельцы и капиталисты, зная отношение к себе рабочих, боятся и

ненавидят их и с помощью организованного правительством насилия удерживают их в рабстве. И равномерно, не переставая ухудшается положение рабочих, увеличивается их зависимость от богатых, и так же равномерно, не переставая увеличивается богатство богатых, их власть над рабочим народом и их страх и ненависть. Так же равномерно увеличиваются и не могущие иметь конца вооружения народов против народов, затрачивающие всё большие и большие труды рабов-рабочих на сухопутные, водяные, подводные, воздушные сооружения, имеющие целью только приготовления к международным массовым убийствам. И убийства эти совершались, совершаются и не могут не совершаться, так как все христианские народы (не как люди, а как народы), соединенные в государства, ненавидят друг друга и другие, нехристианские государства и всякую минуту готовы наброситься друг на друга. Кроме того, нет ни одного большого христианского государства, которое, по каким-то никому ненужным патриотическим преданиям, не держало бы, против их воли, в своей власти один или

несколько небольших народов, принуждаемых к участию в жизни ненавидимого ими большого народа: Австрия, Пруссия, Англия, Россия, Франция с своими покоренными народами: Польшей, Ирландией, Индией, Финляндией, Кавказом, Алжиром и др. Так что, кроме всё растущей ненависти бедных против богатых, такой же ненависти больших народов друг против друга, еще всё разрастается и разрастается ненависть угнетенных народов против угнетающих. И что хуже всего — это то, что все ненависти эти, самые противные природе человека, как больших народов друг к другу, так и покоренных народов к покорителям и наоборот, не только не осуждаются, как всякое недоброе чувство людей к людям, а, напротив, восхваляются, возводятся в заслугу, в добродетель. Ненависть задавленных рабочих к богатым и властвующим восхваляется как любовь к свободе, к братству, равенству. Ненависть немцев к французам, англичан к янки и русских к японцам и т. п. и обратно считается добродетелью патриотизма. Так же и еще больше ценится патриотическая ненависть поляков к русским и

пруссакам, и пруссаков и русских к полякам, финляндцам и обратно.

И это не всё. Все эти бедствия не показывали бы еще то, что жизнь христианских народов не может продолжаться в том же направлении. Бедствия эти могли бы быть случайным, временным явлением, если бы среди этих народов было какое-нибудь общее им всем религиозное руководящее начало. Но этого-то и нет; нет ничего подобного общему руководящему религиозному началу среди народов христианского мира. Есть ложь религиозная, церковная, и не одна, а несколько различных, враждебных между собою: католическая, православная, лютеранская и др., есть ложь научная – и тоже много разных, враждебных друг другу. Есть лжи политические, международные, партийные, есть лжи искусства, лжи преданий и привычек; есть много самых разнообразных лжей, но руководства, нравственного руководства, вытекающего из религиозного мировоззрения, нет никакого. И люди христианского мира живут, как животные, руководствуясь в своей жизни одними личными интересами и борьбой друг

с другом, тем только отличаясь от животных, что животные остаются с незапамятных времен с тем же желудком, когтями и клыками; люди же переходят и всё с большей и большей быстротой от грунтовых дорог к железным, от лошадей к пару, от устной проповеди и письма к книгопечатанию, к телеграфам, телефонам, от лодок с парусами к океанским пароходам, от холодного оружия к пороху, пушкам, маузерам, бомбам и аэропланам. И жизнь с телеграфами, телефонами, электричеством, бомбами и аэропланами, и с ненавистью всех против всех, руководимая не каким-либо соединяющим людей духовным началом, а, напротив, разъединяющими всех животными инстинктами, пользующимися для своего удовлетворения умственными силами, становится всё безумнее и безумнее, всё бедственнее и бедственнее.

Те, которые думают, что нельзя руководить людьми иначе, как насильем, пренебрегая их разумом, делают с людьми то же, что делают с лошадьми, ослепляя их, чтобы они смиреннее ходили по кругу.

Для чего же разум людей, если на них можно воздействовать только насильем.

Право сильного не есть право, но простой факт, который может быть правом, только покуда не встречается протеста и сопротивления. Это как бы холод, тьма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тех пор, покуда не найдешь отопления, освещения, рычага. Вся человеческая промышленность есть освобождение из-под власти грубой природы; прогресс же справедливости есть не что иное, как ряд ограничений, которым подвергалась тирания сильного. Как медицина состоит в победе над болезнью, так благо состоит в победе над слепым зверством и необузданными вожде-

ниями человека-зверя. Таким образом, я вижу всегда один и тот же закон, возрастающее освобождение личности, восхождение всего существа в жизни к благу, к справедливости, к мудрости. Алчная жадность есть точка отправления; разумное великодушие есть точка достижения.
Амиель.

Из того, что возможно насильем подчинить людей справедливости, вовсе не следует, чтобы было справедливо подчинить людей насилью.
Паскаль.

Насилье производит только подобие справедливости, но удаляет людей от возможности жить справедливо без насилия.

Большинство людей христианского мира чувствует всё увеличивающуюся и увеличивающуюся бедственность своего положения и употребляет для избавления себя то средство, которое по своему миросозерцанию оно одно считает действительным. Средство это – насилие одних людей над другими. Од-

ни люди считающие для себя выгодным существующий порядок, насилием государственной деятельности стараются удержать этот порядок, другие тем же насилием революционной деятельности стараются разрушить существующее устройство и установить на место его другое, лучшее.

Революций и подавлений их в христианском мире было много. Внешние формы изменялись, но сущность государственного устройства: власть немногих над многими, развращенность, ложь и страх перед угнетаемыми властвующими классов, задавленность, порабощение, одурение и озлобленность народных масс если и изменялись по форме, то по существу не только не уменьшались, но заметно увеличивались и увеличиваются. То, что совершается теперь в России, особенно ясно выставляет всю не только бесцельность, но очевидную зловредность употребления насилия как средства соединения людей.

В каждой газете последнего времени всё реже и реже известия о том, где и как ограблена касса, где убиты жандарм, офицер, городовые, где обнаружено покушение, и в каж-

дой газете всё чаще и чаще известия о казнях и смертных приговорах.

Застреливают и вешают не переставая уже год и два, и задавлены и застрелены тысячи. Побито и разорвано революционными бомбами тоже тысячи; но так как в последнее время убиваемых властвующими всё больше и больше, убиваемых же революционерами всё меньше и меньше, то правящие классы торжествуют, и им кажется, что они победили и что они теперь будут продолжать свою обычную жизнь, насилием поддерживая обман и обманом поддерживая насилие.

Сущность заблуждения всех возможных политических учений, как самых консервативных, так и самых передовых, приведшего людей к их бедственному положению, в том, что люди этого мира считали и считают возможным посредством насилия соединить людей так, чтобы они все, не противясь, подчинялись одному и тому же устройству жизни и вытекающему из него руководству в поведении. Понятно, что люди могут, подчиняясь страсти, заставлять посредством насилия несогласных с ними людей исполнять свою

волю. Можно силою вытолкать человека или втащить его туда, куда он не хочет идти. (Как животные, так и люди всегда и поступают так под влиянием страсти.) И это понятно, но совершенно непонятно рассуждение о том, что насилие может быть средством побуждения людей к совершению желательных нам поступков.

Всякое насилие состоит в том, что одни люди под угрозой страданий или смерти заставляют других людей делать то, чего не хотят насилуемые. И потому насилуемые делают то, чего они не хотят, только до тех пор, пока они слабее насилующих и не могут избавиться от того, что им угрожает за неисполнение требуемого. Как только они сильнее, то они естественно не только перестают делать то, чего не хотят, но, раздраженные борьбой с насилувавшими и всем перенесенным от них, сначала освобождаются от насилующих, а потом заставляют в свою очередь несогласных с ними делать то, что они считают для себя хорошим и нужным. И потому казалось бы ясно, что борьба насилующих с насилуемыми никак не может соединить людей, а, напро-

тив, чем дальше продолжается, тем больше разъединяет их. Казалось бы, это так ясно, что не стоило бы говорить про это, если бы с давнего времени обман о том, что насилие одних людей над другими может быть полезно людям и соединять их, не был бы так распространен и принят молчаливым согласием, как самая несомненная истина, не только теми, кому выгодно насилие, но и большинством тех самых людей, которые более всего страдали и страдают от насилия. Обман этот существует давно, и до христианства и после него, и оставался и остается еще во всей силе и теперь во всем христианском мире.

Разница между тем, что было в старину, до появления христианства, и тем, что есть теперь в христианском мире, только в том, что неосновательность предположения о том, что насилие одних людей над другими может быть полезно людям и соединять их, в старину была совершенно скрыта от людей, теперь же, выраженная особенно ясно в учении Христа истина о том, что насилие одних людей над другими не может соединять, а может только разъединять людей, всё более и более

уясняется. А как только люди понимают, что насилие одних людей над другими, кроме того, что мучительно для них, еще и не разумно, как тотчас же люди, прежде спокойно переносившие насилие, возмущаются и озлобляются против него.

Это самое происходит теперь во всех народах среди насилуемых.

Но мало того, что истину эту всё более и более сознают насилуемые, ее сознают в наше время и насилующие. У самих насилующих в наше время уже нет уверенности в том, что, насилуя людей, они поступают хорошо и справедливо. Заблуждение это разрушается как для правителей, так и для борющихся с ними. Увлеченные своим положением, как те, так и другие – хотя и стараются всякого рода убеждениями, большей частью лживыми, убедить себя, что насилие полезно и необходимо, – в глубине души уже знают, что, делая свои жестокие дела, они достигают только подобия того, чего желают, и то только временно, в сущности же отдаляющего, а не приближающего их к цели.

Вот это-то сознание, всё яснее и яснее усва-

иваемое людьми христианского мира, и приводит их неизбежно к тому выходу, который один может вывести их из их бедственного настоящего положения. Выход этот в одном: в принятии человечеством скрытого от людей учения Христа в его истинном значении, неизвестного еще большинству людей и вытекающего из него руководства поведения, исключающего насилие.

IV

Когда среди 100 человек один властвует над 99, это несправедливо, это деспотизм; когда 10 властвует над 90, – это также несправедливо, это олигархия; когда же 51 властвует над 49 (и то только в воображении – в сущности же опять 10 или 11 из этих 51) – тогда это совершенно справедливо, – это свобода!

Может ли быть что-нибудь смешнее, по своей очевидной нелепости, такого рассуждения, а между тем это самое рассуждение служит основой деятельности всех улучшателей государственного устройства.

Народы земли трепещут и содрожаются. Всюду чувствуется какая-то работа сил, как бы подготовляющая землетрясение. Никогда еще человек не имел за собою такой огромной ответственности. Каждый момент приносит с собою всё более и более важные заботы. Чувствуется, что что-то великое должно совершиться. Но перед явлением Христа мир ждал великих событий и, однако, не принял его, когда он пришел. Так и теперь мир может испытывать муки родов перед его новым пришествием и всё не понимать того, что происходит.

Люси Малори.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить.

Матф. X, 28.

Государства христианского мира не только дошли, но перешли в наше время тот предел, до которого доходили перед своим распадением государства древнего мира. Это особенно ясно видно из того, что в наше время

всякий шаг вперед в технических усовершенствованиях не только не содействует общему благу, но, напротив, всё с большей и большей очевидностью показывает, что все эти усовершенствования могут только увеличить бедствия людей, но никак не уменьшить их. Можно выдумать еще новые – подводные, подземные, воздушные, надвоздушные снаряды для быстреего перенесения людей с места в место и новые приспособления для распространения людских речей и мыслей, но так как переносимые из места в место люди ничего другого, кроме зла, не хотят, не умеют и не могут делать, то и распространяемые ими мысли и речи ни к чему иному, как только к злу, не могут побуждать людей. Те же, всё усовершенствующиися и усовершенствующиися средства истребления друг друга, которые делают всё более и более возможными убийства без подвержения себя опасности, только всё яснее и яснее показывают невозможность продолжения деятельности христианских народов в том направлении, в котором она теперь происходит.

Жизнь христианских народов теперь ужас-

на и в особенности по отсутствию какого бы то ни было нравственного начала, соединяющего их, и по неразумности своей, сводящей человека, несмотря на все его умственные приобретения, в нравственном отношении на степень низшую, чем животные, и, главное, по той сложности установившейся лжи, которая всё более и более скрывает от людей всю бедственность и жестокость их жизни.

Ложь поддерживает жестокость жизни, жестокость жизни требует всё больше и больше лжи, и, как ком снега, неудержимо растет и то и другое.

Но всему бывает конец. И я думаю, что конец этого бедственного положения народов христианского мира наступил теперь.

Положение людей христианского мира ужасно, но вместе с тем оно – то самое, которое не могло не быть, которое должно было быть и которое неизбежно должно привести эти народы к избавлению. Страдания, испытываемые людьми христианского мира, вытекающие из отсутствия свойственного нашему времени религиозного мирозерцания, суть неизбежные условия роста и неизбежно

должны окончиться принятием людьми собственного их времени религиозного мирозерцания.

Свойственное же нашему времени мирозерцание есть то понимание смысла человеческой жизни и вытекающее из него руководство поведения, которое было открыто христианским учением в его истинном значении 1900 лет тому назад, но было скрыто от людей искусственным и лживым церковным извращением.

V

С того часа, как первые члены соборов сказали: «изволися нам и святому духу», то есть вознесли внешний авторитет выше внутреннего, признали результат жалких человеческих рассуждений на соборах важнее и святее того единого истинно святого, что есть в человеке, – его разума и совести, – с того часа началась та ложь, убаяющая тела и души людей, которая погубила миллионы человеческих существ и продолжает до сей поры свое ужасное дело.

В 1682 году в Англии доктор Лейтон, почтенный человек, написавший книгу против епископства, был судим и приговорен к следующим совершенным над ним наказаниям. Его жестоко высекли, потом отрезали ухо и распоролли одну сторону носа, потом горячим железом выжгли на щеке буквы S. S.: сеятель смут. После семи дней его опять высекли, несмотря на то, что рубцы на спине еще не зажили, и распоролли другую сторону носа и отрезали другое ухо и выжгли клеймо на другой щеке. Всё это было сделано во имя христианства.

Морисон Давидсон.

Христос не основывал никакой церкви, не устанавливал никакого государства, не дал никаких законов, никакого правительства, ни внешнего авторитета, но он старался написать закон бога в сердцах людей с тем, чтобы сделать их самоуправляющимися.

Герберт Ньютон.

Особенность положения христианских народов нашего времени в том, что народы эти основали свою жизнь на том учении, ко-

торое в своем истинном значении разрушает эту жизнь, и это скрытое прежде значение начинает уясняться. Христианские народы построили дом свой даже не на песке, а на тающем льду. И лед начинает таять и уже растаял, и дом валится.

Пока большинство людей, обманутое церковным учением, имея самое смутное понятие об истинном значении учения Христа, вместо прежних идолов, обоготворяло Христа-бога, его мать, угодников, поклонялось мощам, иконам, верило в чудеса, таинства, верило в искупление, в непогрешимость церковной иерархии, – языческое устройство мира могло держаться и удовлетворять людей. Люди одинаково верили и в то объяснение смысла жизни, которое давала им церковь, и в вытекающее из него руководство поведения, и вера эта сближала людей. И так это было, пока люди не видели того, что таилось за этой церковной верой, которую им выдавали за истинную. Но несчастье церковной веры состояло в том, что существовало евангелие, которое самими же церквями было признано священным. Как ни старались церковники

скрыть от людей сущность этого учения, выраженного в евангелиях, – ни запрещения переводов евангелия на всем понятный язык, ни ложетолкование их – ничто не могло затушить свет, прорывающийся сквозь церковные обманы и освещающий души людей, всё более и более ясно сознающих великую истину, которая была в этом учении.

Как только с распространением грамотности и печати люди стали узнавать евангелие и понимать то, что в нем написано, люди не могли уже, несмотря на все извороты церкви, не увидеть того бьющего в глаза противоречия, которое было между государственным устройством, поддерживаемым церковью, и учением евангелия. Евангелие прямо отрицало и церковь и государство с своими властями.

И противоречие это, становясь всё более и более очевидным, сделало наконец то, что люди перестали верить в церковную веру, а в большинстве своем продолжали, по преданию, ради приличия, отчасти и страха перед властью, держаться внешних форм церковной веры, одинаково, как католической, пра-

вославной, так и протестантской, не признавая уже ее внутреннего религиозного значения.

Так это случилось с огромным большинством рабочего народа. (Я не говорю про те небольшие общины людей, прямо отрицавших церковное учение и устанавливающих свое более или менее близкое к христианскому, в его истинном значении, учение, не говорю потому, что число таких людей слишком ничтожно в сравнении с огромной массой людей, всё больше и больше освобождавшихся от всякого религиозного сознания.)

То же самое случилось и с нерабочими, учеными людьми христианского мира. Люди эти еще яснее, чем простые люди, увидели всю несостоятельность и внутренние противоречия церковного учения и естественно откинули это учение, но вместе с тем не могли признать и истинное учение Христа, так как это учение было противно всему существующему строю и, главное, их исключительно выгодному положению в нем.

Так что в наше время в нашем христианском мире одни люди, огромное большинство

людей, живут, внешним образом исполняя еще церковные обряды по привычке, для приличия, удобства, из страха перед властями или даже корыстных целей, но не верят и не могут верить в учение этой церкви, уже ясно видя ее внутреннее противоречие; другая же, всё увеличивающаяся часть населения уже не только не признает существующей религии, но признает, под влиянием того учения, которое называется «наукой», всякую религию остатком суеверия и не руководится в жизни ничем иным, кроме своих личных побуждений.

С людьми, принявшими религиозное учение, превосходящее их силы, – а таково было христианское учение для язычников, принявших его тогда, когда жизнь общественная в форме государственного насильнического устройства уже глубоко вкоренилась в нравы и привычки людей, – с людьми, принявшими христианское учение, случилось нечто, кажущееся сначала противоречивым, а вместе с тем такое, чего не могло не случиться. Именно то, что эти народы, вследствие того, что приняли самую высокую для своего времени

религию, лишились всякой религии и пали в своем религиозном и нравственном состоянии ниже людей, исповедующих гораздо более низкие или даже самые грубые религиозные учения.

VI

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление царства божия, но истина христианства, как огонь в сухом дереве, прожгла свою оболочку и выбилась наружу. Значение христианства видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас; верующую в то, что он может любить добро без мысли о награде; в то, что божественное начало живет в человеке.

Сольтер.

То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век для того, чтобы найти выход из той грязи эго-

изма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, – это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая одно происхождение, один закон, одну цель. Всякая сильная вера, которая возникает на развалинах старых, изжитых верований, изменяет существующий общественный порядок, так как каждая сильная вера неизбежно прилагается ко всякой отрасли человеческой деятельности.

Человечество повторяет в разных формулах и различных степенях слова молитвы господней : «Да придет царство твое на земле, как и на небе».

Мадзини.

Нельзя ни взвесить, ни измерить того вреда, который производила и производит ложная вера.

Вера есть установление отношения человека к богу и миру и вытекающее из этого отношения определение своего назначения. Какова же должна быть жизнь человека, если это отношение и вытекающее из него определе-

*ние назначения ложны?
Недостаточно откинуть ложную ве-
ру, то есть ложное отношение к миру.
Нужно еще установить истинное.*

Трагизм положения людей христианского мира в том, что, по неизбежному недоразумению, христианскими народами принято было, как свойственное им религиозное учение, такое учение, которое в своем истинном значении самым определенным образом отрицало, разрушало весь тот строй общественной жизни, которым жили уже эти народы и вне которого не могли себе представить жизни.

В этом и трагизм положения, в этом и великое, исключительное благо христианских народов.

В том извращенном виде, в котором христианское учение было предложено языческим народам, оно представлялось им только как некоторое смягчение грубости понимания божества, как более высокое понимание назначения человека и требований нравственности. Истинное же значение учения до такой степени было скрыто от них сложными

догматами и привлекательными внушительными обрядами, что оно и не подозревалось ими. А между тем учение это в его истинном значении было не только ясно выражено в тех, признаваемых церквами божественным откровением, книгах евангелия, которое было нераздельно с извращенным учением, но учение это было до такой степени свойственно, родственно душам человеческим, что, несмотря на всё загромождение и извращение учения ложными догматами, наиболее чуткие к истине люди всё чаще и чаще воспринимали учение в его истинном значении и всё яснее и яснее видели противоречие устройства мира с истинным христианским учением.

Не говоря уже об учителях церкви древнего мира: Татиане, Клименте, Оригене, Тертуллиане, Киприане, Лактанции и других, противоречие это сознавалось и в средние века, в новое же время выяснялось всё больше и больше и выражалось и в огромном количестве сект, отрицающих противное христианству государственное устройство с необходимым условием существования его – насили-

ем, и в самых разнообразных гуманитарных учениях, даже не признающих себя христианскими, которые все, так же, как и особенно распространившиеся в последнее время учения социалистические, коммунистические, анархические, суть не что иное, как только односторонние проявления отрицающего насилия христианского сознания в его истинном значении.

В том, что народы христианского мира приняли в скрытом, извращенном виде то учение, которое в своем настоящем значении неизбежно должно было разрушить тот строй жизни, в котором они живут и с которым не хотят расстаться, – в этом причина страданий христианских народов. Великое же благо их в том, что, приняв в извращенном виде христианство, включавшее в себя скрытую от них истину, они неизбежно приведены теперь к необходимости принятия христианского учения уже не в извращенном, а в том истинном смысле, в котором оно всё более и более выяснялось и вполне уже выяснилось теперь и которое одно может спасти людей от того бедственного положения, в котором они находят-

VII

Главная причина дурного устройства жизни есть ложная вера.

Мы должны с глубоким вниманием относиться к нашим общественным делам; мы должны быть готовы изменять наши мнения, отказываться от старых взглядов, усваивать новые. Мы должны бросать предрассудки и рассуждать с совершенно свободным умом. Моряк, который будет ставить одни и те же паруса, невзирая на перемены в ветре, никогда не достигнет своей гавани.

Генри Джордж.

Стоит прямо и просто понять учение Христа, чтобы ясен был тот ужасный обман, в котором живем все мы и живет каждый из нас.

Христианское учение во всем его истинном значении, как оно всё более и более выясняется в наше время, состоит в том, что сущность жизни человеческой есть сознательное

всё большее и большее проявление того начала всего, признак проявления которого в нас есть любовь, и что поэтому сущность жизни человеческой и высший закон, долженствующий руководить ею, есть любовь.

То, что любовь есть необходимое и благое условие жизни человеческой, было признаваемо всеми религиозными учениями древности. Во всех учениях: египетских мудрецов, браминов, стоиков, буддистов, таосистов и др., дружелюбие, жалость, милосердие, благотворительность и вообще любовь признавались одною из главных добродетелей. Это признание наиболее высокими из этих учений доходило даже до такой степени, при которой восхвалялась любовь ко всем и даже воздаяние добром за зло, как это проповедывалось в особенности таосистами и буддистами. Но ни одно из этих учений не поставило этой добродетели основой жизни, высшим законом, долженствующим быть не только главным, но единым руководством поступков людей, как это сделано позднейшим из всех религиозных учений – христианством. Во всех дохристианских учениях любовь призна-

валась как одна из добродетелей, но не тем, чем она признается в христианском учении: метафизически – основой всего, практически – высшим законом жизни человеческой, то есть таким, который ни в каком случае не допускает исключений. Христианское учение по отношению всех древних учений не есть новое и особенное учение; это есть только более ясное и определенное выражение той основы жизни человеческой, которая чувствовалась и неопределенно проповедывалась предшествовавшими религиозными учениями. Особенность христианского учения в этом отношении только в том, что оно, как позднейшее, более точно и определенно выразило сущность закона любви и неизбежно вытекающее из него руководство в поступках. Так что христианское учение о любви не есть, как в прежних учениях, только проповедь известной добродетели, но есть определение высшего закона жизни человеческой и неизбежно вытекающего из него руководства поведения. Учение Христа выясняет, почему этот закон есть высший закон жизни человеческой, и с другой стороны показывает тот

ряд поступков, которые человек должен или не должен делать вследствие признания истинности этого учения. В особенности ясно и определенно выражено в христианском учении то, что исполнение этого закона, так как это есть высший закон, не может допускать, как это допускали прежние учения, никаких исключений, что любовь, определяемая этим законом, есть только тогда любовь, когда она не допускает никаких исключений и одинаково обращена как на иноземцев, разноверцев, так и врагов, ненавидящих и делающих нам зло.

В этом уяснении того, почему закон этот – высший закон жизни людей, и в точном определении неизбежно вытекающих из него поступков, в этом тот шаг вперед, который сделало христианское учение, и в этом главное его значение и благодетельность.

Объяснение, почему этот закон есть высший закон жизни, особенно ясно выражено в посланиях Иоанна:

«Возлюбленные, будем любить друг друга, потому что любовь от бога и всякий любящий рожден от бога и знает бога. Кто не любит, тот

не познал бога, потому что бог есть любовь. Бога никто никогда не видел; если мы любим друг друга, то бог в нас пребывает. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в боге и бог в нем. Мы знаем, что мы перешли из смерти к жизни, потому что любим братьев, не любящий брата пребывает в смерти» (Первое послание Иоанна, IV, 7, 8, 12, 16; III, 14).

Учение всё в том, что то, что мы называем собою, нашей жизнью, есть ограниченное в нас нашим телом божественное начало, проявляющееся в нас любовью, и что потому истинная жизнь каждого человека, божественная, свободная, проявляется в любви.

Вытекающее же из такого понимания закона любви руководство в поступках, не допускающее никаких исключений, выражено во многих местах евангелий, и особенно точно, ясно и определено в четвертой заповеди Нагорной проповеди:

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб (Исход, 21, 14), а я говорю вам, не противься злему», сказано в 38 ст. V гл. Матфея. В стихах же 39 и 40, как бы предвидя те исклю-

чения, которые могут показаться нужными при приложении к жизни закона любви, ясно и определенно говорится, что нет и не может быть таких условий, при которых возможно бы было отступление от самого простого и первого требования любви: неделания другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали.

Говорится: «но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду», то есть что совершенное над тобой насилие не может служить оправданием насилия с твоей стороны. Эта же недопустимость оправдания отступления от закона любви никакими поступками других людей еще яснее и точнее выражена в последней из заповедей, прямо указывающей на те обычные ложные толкования, при которых будто бы возможно нарушение ее:

«Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Левит, 19, 17—18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за оби-

жающих вас и гонящих вас, да будете сынами отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, в чем тут заслуга? Не то же ли делают и мытари? Если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного во делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный» (Мф. V, 43—46),

Вот это-то признание закона любви высшим законом жизни человеческой и ясно выраженное руководство поведения, вытекающее из христианского учения о любви, одинаковой к врагам, к людям ненавидящим, обижающим, проклинаящим нас, и составляют ту особенность учения Христа, которая, давая учению о любви и вытекающему из него руководству точное, определенное значение, неизбежно влечет за собой полное изменение установившегося устройства жизни не только христианских, но и всех народов мира.

В этом главное отличие от прежних учений и главное значение христианского уче-

ния в его истинном смысле; в этом шаг вперед в сознании человечества, который сделан был христианским учением. Шаг этот в том, что все прежние религиозные и нравственные учения о любви, признавая, как это и не могло быть иначе, благодетельность любви для жизни человечества, вместе с тем допускали возможность таких условий, при которых исполнение закона любви становилось необязательным, могло быть обойдено. А как только закон любви переставал быть высшим, неизменным законом жизни людей, так уничтожалась вся благодетельность закона, и учение о любви сводилось к ни к чему не обязывающим красноречивым поучениям и словам, оставлявшим весь склад жизни народов таким же, каким он был и до учения о любви, то есть основанным на одном насилии. Христианское же учение в его истинном смысле, признавая закон любви высшим и приложение его к жизни не подлежащим никаким исключениям, уничтожало этим признанием всякое насилие, а следовательно, не могло не отрицать всё основанное на насилии устройство мира.

Вот это-то главное значение учения и было скрыто от людей лжехристианством, признавшим учение о любви не высшим законом жизни человеческой, а так же, как и дохристианские учения, лишь одним из правил поведения, которое полезно соблюдать, когда ничто не препятствует этому.

VIII

Бедствия войн и военных приготовлений не только не соответствуют тем причинам, которые выставляются в их оправдание, но причины их большей частью так ничтожны, что не стоят обсуждения и совершенно неизвестны тем, которые гибнут в войнах. Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насильем, что жизнь людей без насилия представляется им невозможною.

А между тем, если люди насильем учреждают справедливую (по внешности) жизнь, то те люди, которые учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди

могут знать, в чем справедливость и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми ?

Если бы люди были вполне добродетельны, они никогда не отступали бы от истины.

Истина вредна только тому, кто делает зло. Делаящий добро любит истину.

Рассудок часто делается рабом греха – направляется на то, чтобы оправдывать его.

Удивляешься иногда, зачем человек защищает такие страшные, неразумные положения: религиозные, политические, научные. Поищи, и ты найдешь, что он защищает свое положение.

Учение Христа в его истинном смысле состоит в признании любви высшим законом жизни, и потому не могущим допускать никаких исключений.

Христианство, то есть учение о законе любви, допускающее исключения в виде насилия во имя других законов, есть такое же внутреннее противоречие, как холодный огонь или горячий лед.

Казалось бы очевидно, что, если одни люди могут, несмотря на признания благодетельности любви, во имя каких-то благих целей в будущем, допускать необходимость мучительства или убийства некоторых людей, то точно с таким же правом могут другие люди, тоже признавая благодетельность любви, допускать, тоже во имя будущих благ, необходимость мучительства и убийства других людей. Так что казалось бы очевидно, что допущение хотя какого бы то ни было исключения из требования исполнения закона любви уничтожает всё значение, весь смысл, всю благодетельность закона любви, лежащего в основе и всякого религиозного учения и всякого нравственного учения. Казалось бы, это так очевидно, что совестно доказывать это, а между тем люди христианского мира, – как признающие себя верующими, так считающие себя неверующими, но признающие нравственный закон, – и те и другие смотрят на учение о любви, отрицающее всякое насилие, и в особенности на вытекающее из этого учения положение о непротивлении злу злом, как на нечто фантастическое, невоз-

можное и совершенно неприложимое к жизни.

Понятно, что люди властвующие могут говорить, что без насилия не может быть никакого порядка и доброй жизни, разумея под «порядком» такое устройство жизни, при котором немногие могут в излишестве пользоваться трудами других людей, под «добрый» же жизнью разумея беспрепятственность ведения такой жизни. Но как ни несправедливо то, что они говорят, понятно, что они могут говорить так, потому что уничтожение насилия не только лишает их возможности жить так, как они живут, но и обличает всю давнишнюю несправедливость и жестокость их жизни.

Но рабочим-то людям, казалось бы, уже не нужно того насилия, которое они, как это ни удивительно сказать, так старательно сами над собою делают и от которого они так страдают. Ведь насилие властвующих над покоряющимися не есть прямое, непосредственное насилие сильного человека над слабым и большого числа над меньшим, ста над двадцатью и т. п. Насилие властвующих держит-

ся, как и может держаться насилие меньшинства над большинством, только на давно уж устроенном ловкими и сметливыми людьми обмане, вследствие которого люди, ради своей близкой и очевидной им малой выгоды, не только лишаются самых больших выгод, но лишаются свободы и подвергаются самым жестоким страданиям. Сущность этого обмана еще четыреста лет тому назад была высказана французским писателем Ла-Бюэти в статье «Добровольное рабство».

Вот что он пишет об этом:

«Не оружие и не вооруженные люди – конные и пешие – защищают тиранов, но, как ни трудно этому поверить, три или четыре человека поддерживают тирана и держат для него всю страну в рабстве. Всегда круг приближенных тирана состоял из пяти или шести человек; эти люди или сами вкрадывались к нему в доверие, или были приближаемы им, чтобы быть соучастниками его жестокостей, товарищами его удовольствия, устроителями его наслаждений и сообщниками его грабительств. Эти шестеро имеют шестьсот, находящихся под их властью и относящихся к шестерым

так же, как шестеро относятся к тиранам. Шестьсот же имеют под собой шесть тысяч, которых они возвысили, которым дали управление провинциями или денежными делами, с тем, чтобы они служили их корыстолюбивую и жестокости. За этими следует еще большая свита. И тот, кому охота распутывать эту сеть, увидит, что не только шесть тысяч, но сотни тысяч, миллионы скованы этой цепью с тираном. Ради этого умножаются должности, которые все суть поддержка тирании. И все занимающие эти должности люди имеют тут свои выгоды, и этими выгодами они связаны с тиранами, и людей, которым тирания выгодна, такое множество, что их наберется почти столько же, сколько тех, которым свобода была бы радостна. И как доктора говорят, что если есть в нашем теле что-нибудь испорченное, то тотчас же к этому больному месту приливают все дурные соки, так же точно и к государю, как скоро он делается тираном, собирается всё дурное, все подонки государства, куча воров и негодяев, неспособных ни на что, но корыстолюбивых и алчных, – собираются, чтобы участвовать в добыче, чтобы

быть под большим тираном маленькими тиранятами.

Так что тиран подчиняет одних подданных посредством других и бывает охраняем теми, которых, если бы они не были негодяи, он бы должен был опасаться. Но, как говорится, «чтобы колоть дрова, делают клинья из того же дерева», так и его телохранители таковы же, как и он.

Бывает, что и они страдают от него; но эти оставленные богом, потерянные люди готовы переносить зло, только бы им быть в состоянии делать его не тому, кто делает зло им, но тем, которые переносят его и не могут иначе».

Вот от этого-то обмана, до такой степени укоренившегося в народе, что те самые люди, которые только страдают от употребления насилия, оправдывают его, даже требуют его для себя, как чего-то необходимого, и сами совершают его друг над другом – от этой-то ставшей второй природой привычки и происходит то удивительное заблуждение людей, вследствие которого люди, наиболее страдающие от обмана, сами поддерживают его.

Казалось бы, рабочим-то людям, не полу-

чающим никакой выгоды от совершаемого над ними насилия, можно бы увидеть, наконец, тот обман, в котором они запутаны и, увидав обман, освободиться от него самым простым и легким способом: прекращением участия в том насилии, которое может совершаться над ними только благодаря их участию.

Казалось бы, что может быть проще и естественнее того, чтобы, веками страдая от производимого самими над собою, без всякой для себя пользы, насилия, рабочие люди, в особенности земледельцы, которых в России, да и во всем мире большинство, поняли наконец, что они страдают сами от себя, что та земельная собственность неработающих владельцев, от которой они больше всего страдают, поддерживается ими же самими, в виде стражников, урядников, солдат; что точно так же все подати – и прямые и косвенные – собирают с самих себя они же сами в виде старост, сотских, сборщиков податей и опять же полицейских и солдат. Казалось бы, так просто понять это рабочим людям и сказать наконец тем, кого они считают своими начальниками-

ми: «Оставьте нас в покое. Если вам, императорам, президентам, генералам, судьям, архиереям, профессорам и всяким ученым людям, нужны войска, флоты, университеты, балеты, синоды, консерватории, тюрьмы, виселицы, гильотины, – устраивайте всё это сами, сами с себя собирайте деньги, судите, сажайте друг друга в тюрьмы, казните, убивайте людей на войнах, но делайте это сами, нас же оставьте в покое, потому что ничего этого нам не нужно и мы не хотим больше участвовать во всех этих бесполезных для нас и, главное, дурных делах».

Что, казалось бы, естественнее этого? А между тем рабочие люди, и в особенности земледельцы, которым этого ничего не нужно, не только ни в России, ни в какой бы то ни было стране, не делают этого, а одни, большинство, продолжают сами себя мучить, исполняя против самих себя требования начальства и сами поступая в полицию, в сборщики податей, в солдаты; другие же, меньшинство, для того чтобы избавиться от насилия, когда могут это сделать, совершают во время революций насилия над теми людьми,

от насилия которых страдают, то есть тушат огонь огнем, и этим только увеличивают над собою насилие.

Отчего же так неразумно поступают люди?

Оттого, что они вследствие продолжительности обмана уже не видят связи их угнетенности с их же участием в насилии.

А отчего же не видят этой связи?

А всё оттого же, отчего все бедствия людей, оттого, что у людей этих нет веры, а без веры люди могут быть руководимы только выгодой, а человек, руководимый только выгодой, не может быть ничем иным, как только обманщиком или обманутым.

От этого-то и происходит то кажущееся удивительным явление, что, несмотря на очевидную невыгоду для себя насилия, несмотря на всю очевидность в наше время того обмана, в котором запутаны рабочие люди, несмотря на явные обличения той несправедливости, от которой они страдают, несмотря на все революции, имеющие целью уничтожение насилия, рабочие люди, огромное большинство людей, продолжают не только подчиняться насилию, но поддерживают его

и противно здравому смыслу и самой своей выгоде совершают насилие сами над собой.

Одни рабочие, огромное большинство их, держатся по привычке прежнего церковного лжехристианского учения, не веря уже в него, а веря только в древнее «око за око» и основанное на нем государственное устройство; другая же часть, каковы все тронутые цивилизацией рабочие (особенно в Европе), хотя и отрицают всякую религию, бессознательно в глубине души верят, верят в древний закон «око за око» и, следуя этому закону, когда не могут иначе, ненавидя существующее устройство, подчиняются; когда же могут иначе, то самыми разнообразными насильническими средствами стараются уничтожить насилие.

Первые, большая часть рабочих, нецивилизованных людей, не могут изменить своего положения, потому что не могут по исповедуемой ими вере в государственное устройство отказаться от участия в насилии; не имеющие же никакой веры нецивилизованные рабочие, следуя только различным политическим учениям, не могут освободиться от насилия, потому что насилием же стараются уни-

IX

Дикий инстинкт военного убийства так заботливо в продолжение тысячелетий культивировался и поощрялся, что пустил глубокие корни в мозгу человеческого. Надо надеяться, однако, что лучшее, чем наше, человечество сумеет освободиться от этого ужасного преступления. Но что подумает тогда это лучшее человечество о той так называемой утонченной цивилизации, которой мы так гордимся? А почти то же, что мы думаем о древне-мексиканском народе и его каннибализме, в одно и то же время воинственном, набожном и животном. Летурно.

Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это одно средство уничтожения войны. Спросите у большинства христиан, в

чем главное зло, от которого Христос освободил человечество, и они скажут: от ада, от вечного огня, от наказания в будущем. Они соответственно этому думают, что спасение – это нечто такое, что другой может совершить для нас. Слово ад, которое так редко встречается в священном писании, вследствие ложных толкований сделало много вреда христианству. – Люди убегают от внешнего ада, которого они должны больше всего бояться. Спасение, больше всего нужное человеку, и то, которое дает освобождение человеку, это спасение от зла в своей душе. Есть нечто много худшее внешнего наказания. Это грех – состояние души, возмущившейся против бога, состояние души, одаренной божественной силой, но отдающей себя во власть животных похотей, – души, которая, живя в виду бога, боится угрозы или гнева человека и предпочитает человеческую славу своему спокойному сознанию добродетели. Нет погибели хуже этой. И это – то, что нераскаявшийся человек уносит с собой в могилу. Вот чего

надо бояться.

Спасись, в высшем значении этого слова, значит поднять упавший дух, излечить больную душу, возвратить ей свободу мысли, совести, любви. В этом состоянии то спасение, за которое умер Христос.

Для этого спасения дан нам святой дух, и к такому спасению направлено всё истинное учение христианства.
Чаннинг.

Как, кажется, легко говорить правду, а как много нужно внутренней работы, чтобы достигнуть этого.

Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства.

Так это было долгое время, продолжается и теперь во всем и нехристианском и христианском мире. Но думаю, что теперь, именно теперь, после жалкой, глупой русской революции и в особенности после ужасного по своей дерзкой, бессмысленной жестокости подавления ее, русские, менее других цивилизованные, то есть менее умственно развращенные и удерживающие еще смутное пред-

ставление о сущности христианского учения, русские, преимущественно земледельческие люди, поймут, наконец, где средство спасения, и первые начнут применять его.

Это средство спасения уже давно предчувствуется людьми и влечет их к себе и в последнее время всё более и более входит в сознание людей и уже начинает применяться.

В губернском городе заседает военный суд. Стоит стол, на столе зеркало с двуглавым орлом наверху и печатными словами внизу, лежат книги законов, аккуратно сложенные цельные исписанные листы бумаг с печатными заголовками. За столом на первом месте сидит в военном мундире с галунами и крестом на шее плотный человек с лицом умным, выражающим добродушие, особенно миленное теперь тем, что он только что хорошо позавтракал и получил успокоительное известие о здоровье меньшого ребенка. Рядом с ним другой офицер немецкого происхождения, недовольный своим назначением и обдумывающий теперь тот рапорт, который он подаст начальнику. На третьем месте совсем молодой офицер, щеголь и весельчак, только

что отпустивший за завтраком у полковника остроумную шутку, развеселившую всех. Он вспоминает теперь эту шутку и чуть заметно улыбается. Ему страшно хочется курить, он с нетерпением ждет перерыва. За отдельным столиком сидит секретарь. Перед ним куча бумаг, и он весь поглощен заботой о том, чтобы быть готовым по первому требованию начальства подать требуемую бумагу.

Два молодых человека: один крестьянин Пензенской губернии, другой мещанин города Любима, одетые в солдатскую одежду, вводят третьего, совсем молодого человека, одетого тоже в солдатскую шинель. Молодой человек этот бледен, он только раз взглянул на суд и сосредоточенно смотрит перед собою. Молодой человек этот уже три года просидел в тюрьме за отказ от присяги и военной службы. Чтобы избавиться от него, после трех лет тюрьмы, ему предложили присягнуть, и тогда он, как солдат, пробывший три года на службе, хотя и в тюрьме, мог бы быть отпущен. Но молодой человек и в церкви сказал то же, что он говорил при приеме, — что он, как христианин, не может ни присягать, ни быть убий-

цей. Теперь его судят за этот новый отказ. Секретарь читает бумагу, называемую обвинительным актом. В нем говорится о том, что молодой человек отказался получать жалованье и считает военную службу грехом. Добродушный председатель спрашивает: признаешь ли ты себя виновным?

– Всё, что сказано тут, всё это я делал и говорил, но виновным себя не признаю, – запинаясь и с дрожью в голосе говорит молодой человек.

Председатель кивает головой в знак того, что ответ в порядке, заглядывает в бумагу и спрашивает: что ты можешь сказать в объяснение своего отказа?

– Отказался я и отказываюсь потому, что считаю военную службу грехом (он запинаяется)... противным учению Христа.

Председатель удовлетворен и этим и одобрительно кивает головой. Всё в порядке.

– Не имеешь ли ты еще чего заявить?

Молодой человек с дрожащей нижней челюстью говорит о том, что в евангелии сказано, запрещено не только убийство, но недоброе чувство к брату.

Председатель одобряет и это. Немец недовольно хмурится, молодой офицер, подняв голову и брови, внимательно слушает, как что-то новое и интересное.

Обвиняемый, всё более и более волнуясь, говорит о том, что клятва прямо запрещена, что он считал бы себя виновным, если бы не отказался, что он и теперь готов....

Председатель останавливает его, так как находит, что подсудимый говорит уже не подходящее к делу и потому ненужное.

После этого вызываются свидетели: командир полка и фельдфебель. Командир полка, обычный партнер председателя в винт и великий охотник и мастер игры, и фельдфебель, ловкий, красивый, услужливый поляк шляхтич, большой охотник до чтения романов. Входит и священник, пожилой человек, только что проводивший свою дочь с зятем и внуками, приезжавших к нему в гости, и расстроенный столкновением с матушкой из-за того, что он отдал дочери ковер, который матушка не желала отдавать.

– Потрудитесь, батюшка, привести к присяге свидетелей и сделать напоминание о грехе

перед богом за неправильное показание, – обращается председатель к священнику.

Батюшка надевает епитрахиль, берет крест и евангелие и говорит привычные слова увещания. Потом приводит к присяге полковника. Полковник, быстрым движением подняв два чистых пальца, которые так хорошо знает председатель, следя за ними во время карточной игры, проговаривает за священником слова присяги и чмокая целует, как будто с удовольствием, крест и евангелие. Вслед за полковником входит и католический священник и так же скоро приводит к присяге красавца фельдфебеля.

Судьи спокойно и серьезно дожидаются. Молодой офицер вышел и затянулся и вернулся во-время к показанию свидетелей.

Свидетели показывают то самое, что говорил отказавшийся. Председатель выражает одобрение. Потом встает сидевший отдельно офицер, – это обвинитель. Он подходит к конторке, перекладывает с места на место лежащие на ней бумаги и начинает говорить, громко, связно излагая всё то, что сделал этот молодой человек, что все судьи знают и что

сам молодой человек только что высказывал, не только не утаивая того, за что его обвиняли, но, напротив, усиливая повод обвинения. Обвинитель говорит о том, что подсудимый, как сам говорит, не принадлежит ни к какой секте, что родители его православные и что поэтому отказ его от военной службы имеет основанием своим только упорство. И что упорство это, как его, так и подобных ему заблуждающихся и непокорствующих людей, привело правительство к определению против таких людей строгих мер наказаний, таких, которые, по его мнению, и приложимы в настоящем случае. После этого что-то совсем не нужное говорит защитник. Потом все выходят, потом опять вводят подсудимого, и входит суд. Судьи присаживаются и тотчас же встают, и председатель, не глядя на подсудимого, ровным, спокойным голосом объявляет решение суда: подсудимый, тот человек, который три года страдал из-за того, чтобы не признавать себя солдатом, во-первых, лишается военного звания и каких-то прав состояния и преимуществ и присуждается к арестантским ротам на 4 года.

После этого конвойные отводят молодого человека, и все участвовавшие идут к своим обычным занятиям и увеселениям, как будто ничего не случилось особенного.

Только молодой человек, охотник до куренья, испытывает какое-то странное, тревожащее его чувство, которое он не может отогнать при неотвязчиво вспоминающихся ему благородных, сильных, неотразимых словах подсудимого, выраженных с таким волнением. На совещании судей молодой офицер этот хотел было не согласиться с решением старших, но замялся, проглотил слюну и согласился.

На вечере у полкового командира, где в промежутках между роберами собрались все у чайного стола, разговор зашел об отказавшемся солдате. Полковой командир определенно выразил свое мнение о том, что причина всего – необразованность: нахватаются всяких понятий, а не знают, что к чему, и выходят такие несообразности.

– Нет, я, дядя, не согласна с вами, – вступилась в разговор курсистка социал-демократка, племянница полкового командира. – До-

стойна уважения энергия, стойкость этого человека. Жалеть можно только о том, что сила его ложно направлена, – прибавила она, думая о том, как полезны были бы такие стойкие люди, если бы они стояли только не за отжившие религиозные фантазии, а за научные социалистические истины.

– Ну, да ты известная революционерка, – улыбаясь, сказал дядя.

– А мне кажется, – беспрестанно затягиваясь, заговорил молодой офицер, – что с точки зрения христианства ничего нельзя возражать ему.

– Уж не знаю с какой точки, – строго сказал старший генерал, – знаю только то, что солдату надо быть солдатом, а не проповедником.

– По-моему же, главное дело в том, – сказал, улыбаясь глазами, председатель суда, – что если мы хотим доиграть все шесть роберов, то надо не терять золотого времени.

– Кто не допил чай, я подам к карточному столу, – сказал гостеприимный хозяин, и один из игроков ловким, привычным движением веером раскинул карты. И игроки разместились.

В сенях тюрьмы, где конвойные с отказавшимся от службы арестантом дожидались распоряжения начальства, шел такой разговор:

– Як же батька не знае, – говорил один из конвойных, – хйба не було у книгах, як бы им.

– Стало быть, не понимают, – отвечал отказавшийся. – Если бы понимали, они бы то же самое говорили. Христос не убивать велел, а любить.

– Так-то так. Чудно и, главное, дело трудное.

– Ничего не трудно, я вот просидел и еще просижу, и на душе мне так хорошо, что дай бог всякому.

Подошел унтер-офицер нестроевой роты, уже не молодой человек. – Что, Семеныч, – обратился он с уважением к арестанту. – Приговорили?

– Приговорили.

Унтер-офицер мотнул головой. – Так-то так, да терпеть трудно.

– Стало быть, так надо, – отвечал, улыбаясь, арестант, видимо тронутый сочувствием.

– Так-то так. Господь терпел и нам велел,

да трудно.

На эти слова быстрым молодецким шагом вошел в сени красавец поляк фельдфебель.

– Нечего разговоры разговаривать, марш в новую тюрьму. – Фельдфебель был особенно строг, потому что ему было дано приказание следить за тем, чтобы арестованный не общался с солдатами, так как вследствие этих общений за те два года, которые он просидел здесь, четыре человека были совращены им в такие же отказы от службы и судились уже и сидят теперь в различных тюрьмах.

Х

Христианское откровение было учением о равенстве людей, о том, что бог есть отец, а люди – братья. Оно ударило в самый корень той чудовищной тирании, которая душила цивилизованный мир, оно разбивало цепи рабов и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучке людей роскошествовать на счет труда массы и держала рабочих людей что называется в черном теле. Вот почему преследовалось первое христиан-

ство и вот почему, когда стало ясно, что его нельзя уничтожить, привилегированные классы приняли его и извратили. Оно перестало в своем торжестве быть истинным христианством первых веков и сделалось, до весьма значительной степени, служителем привилегированных классов. Генри Джордж.

Церковное извращение христианства отдалило от нас осуществление царства божия, но истина христианства, как огонь в сухом дереве, прожгла свою оболочку и выбилась наружу. Значение христианства видно всем, и влияние его уже сильнее того обмана, который скрывает его.

Я вижу новую религию, основанную на доверии к человеку; призывающую к тем нетронутым глубинам, которые живут в нас; верующую в то, что он может любить добро без мысли о награде; в то, что божественное начало живет в человеке. Сольтер.

Не думай, чтобы церковное христианство было неполным, односторонним, формальным христианством, но все-таки христианством. Не думай так: церковное христианство – враг истинного христианства и стоит теперь по отношению к истинному христианству, как преступник, пойманный на месте преступления. Оно должно уничтожить само себя или совершать новые и новые преступления.

То, что говорил отказавшийся на суде, говорилось давно, с самого начала христианства. Самые искренние и горячие отцы церкви говорили то же самое о несовместимости христианства с одним из основных неизбежных условий существования государственного устройства, – с войском, то есть, что христианин не может быть солдатом, то есть быть готовым убивать всех, кого ему прикажут.

Христианская община первых веков до пятого века определенно признавала, в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

Так, во втором веке, перешедший в христианство философ Татиан считает убийство на войне так же недопустимым для христиан, как всякое убийство, и почетный воинский венок считает непристойным для христианина. В том же столетии Афинагор Афинский говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах.

В третьем столетии Климент Александрийский противопоставляет языческим «воинственным» народам – «мирное племя христиан». Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый Ориген. Прилагая к христианам слова Исаии, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копья на плуги, он совершенно определенно говорит: «Мы не поднимаем оружия ни против какого народа, мы не учимся искусству воевать, – ибо через Иисуса Христа мы сделались детьми мира». Отвечая на обвинение Цельзом христиан в том, что они уклоняются от военной службы (так что, по мнению Цельза, если только Римская империя сделается христианской, она погибнет), Ориген говорит,

что христиане больше других сражаются за благо императора, – сражаются за него добрыми делами, молитвой и добрым влиянием на людей. Что же касается борьбы оружием, то совершенно справедливо говорит Ориген, что христиане не сражаются вместе с императорскими войсками и не пошли бы даже в том случае, если бы император их к этому принуждал.

Так же решительно высказывается и Тертуллиан, современник Оригена, о невозможности христианина быть военным: «Не подобает служить знаку Христа и знаку дьявола, – говорит он про военную службу, – крепости света и крепости тьмы. Не может одна душа служить двум господам. Да и как воевать без меча, который отнял сам господь? Неужели можно упражняться мечом, когда господь сказал, что каждый взявшийся за меч от меча погибнет. И как будет участвовать в сражении сын мира?»

«Безумствует мир во взаимном кровопролитии, – говорит знаменитый Киприан, – и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется

добродетелью, если делается в массе. Преступникам приобретает безнаказанность умножение ярости».

В четвертом веке Лактанций говорит то же: «Не должно быть никакого исключения в заповеди божией, что убить человека всегда грех, – говорит он. – Носить оружие не дозволено, ибо их оружие – только истина».

В правилах египетской церкви III-го века и в так называемом «Завещании господина нашего Иисуса Христа» безусловно запрещено всякому христианину поступать на военную службу под страхом отлучения от церкви. В деяниях святых много примеров христианских мучеников первых веков, пострадавших за отказ от военной службы.

Так, Максимилиан, приведенный в присутствие по отбыванию воинской повинности, на первый вопрос проконсула о том, как его зовут, отвечал: «Мое имя – христианин, и потому я сражаться не могу». Несмотря на это заявление, его зачислили в солдаты, но он отказался от службы. Ему было объявлено, что он должен выбрать между отбыванием воинской повинности и смертью. Он сказал: «Луч-

ше умру, но не могу сражаться». Его отдали палачам.

Марцеллий был сотником в троянском легионе. Поверив в учение Христа и убедившись в том, что война – нехристианское дело, он в виду всего легиона снял с себя военные доспехи, бросил их на землю и объявил, что, став христианином, он более служить не может. Его послали в тюрьму, но он и там говорил: «Нельзя христианину носить оружие». Его казнили.

Вслед за Марцеллием отказался от военной службы служивший в том же легионе Кассиан. Его также казнили.

При Юлиане Отступнике отказался продолжать военную службу Мартын, воспитывавшийся и выросший в военной среде. На допросе, сделанном ему императором, он сказал только: «Я – христианин и потому не могу сражаться».

Первый вселенский собор (в 325 году) ясно определил строгую эпитимью за возвращение в войска христиан, оставивших службу. Подлинные слова этого постановления в переводе, признанном православной церковью,

таковы:

«Благодатью призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы на свою блевотину возвратившиеся... таковые десять лет да припадают к церкви, прося прощение по трилетнем слушании писания в притворе».

Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Еще в четвертом веке Василий Великий рекомендует в течение трех лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления.

Таким образом, не только в первые три века во время гонений, но и в первые времена торжества христианства над язычеством, когда христианство было признано господствующей, государственной религией, в среде христиан еще держалось убеждение о том, что война не совместима с христианством. Ферруций высказал это определенно и решительно и был за это казнен: «Не дозволено христианам проливать кровь, даже в справедливой войне и по приказу христианских госу-

дарей». В четвертом веке Люцифер, епископ Кальярский, проповедует, что даже самое дорогое для христиан благо – свою веру – они должны защищать «не убийством других, а собственной смертью». Павлин, епископ Ноланский, умерший в 431 году, еще грозил вечными муками за службу кесарю с оружием в руках.

Так это было в первые четыре века христианства. При Константине же на знаменах римских легионов уже появился крест. А в четыреста шестнадцатом году был издан указ о том, чтобы не допускать в армию язычников. Все солдаты стали христианами, то есть все христиане за самыми малыми исключениями отреклись от Христа.

С той поры в продолжение почти 15 веков та простая, несомненная и очевиднейшая истина о том, что исповедание христианства несовместимо с готовностью по воле других людей совершать всякого рода насилия и даже убийства, до такой степени скрыта от людей, до такой степени ослаблено истинно христианское религиозное чувство, что люди, поколения за поколениями, по имени испове-

дуя христианство, живут и умирают, разрешая убийства, участвуя в них, совершая их и пользуясь ими.

Так проходят века. Как бы в насмешку над христианством совершаются крестовые походы, во имя христианства совершаются ужасающие злодейства, и те редкие люди, удержавшие основные начала христианства, не допускающие насилия: манихеи, монтанисты, катары и другие, вызывают в большинстве людей только презрение или гонение.

Но истина, как огонь, прожигает понемногу все скрывавшие ее покровы и с начала прошлого века всё ярче и ярче начинает выступать перед людьми, волей неволей привлекая к себе внимание.

Истина эта проявлялась во многих местах, но особенно ярко в начале прошлого века в России. Проявлений этих было, вероятно, очень много, не оставивших никаких следов.

Некоторые только известны нам.

Всякое движение к добру среди людей, живущих злою жизнью, вызывает не любовь, а гонение.

Истинное мужество в борьбе свойственно тому, кто знает, что его союзник – бог.

В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: я победил мир.

Иоанн. XVI, 33.

Не жди совершения того божьего дела, которому ты служишь, но знай, что каждое твое усилие не останется бесплодным и подвинет дело.

Самые важные и нужные для самого и для других дела человека – это те, последствия которых он не увидит.

В 1818 году, как записал это в свой дневник генерал-губернатор Кавказа Муравьев, были присланы на Кавказ из Тамбовской губернии пять помещичьих крестьян за то, что они, будучи сданы в солдаты, отказались служить. Их несколько раз секли кнутом, гоняли сквозь строй, но они не сдавались и говорили

одно: «Все люди равны, государь такой же человек, как и мы; не будем повиноваться, не будем платить податей, а главное, не будем убивать на войне людей братьев. Можете на куски резать нас, мы не сдадимся, не наденем шинели, не будем пайка есть, не будем солдатами. Милостыню мы примем, а казенного ничего не хотим».

Таких людей засекали, морили в тюрьмах, и всё, касавшееся их, старательно скрывалось, но количество их в продолжение прошлого столетия постоянно увеличивалось.

Так: «В 1827 году гвардейцы Николаев и Богданов бежали из военной службы в раскольничий скит, устроенный в лесу мещанином Соколовым. При поимке они отказались служить в военной службе, как несогласной с их убеждениями, и не хотели присягать. Военное начальство решило за такой проступок прогнать их сквозь строй и отдать в арестантские роты».

«В 1830 году в Пошехонском уезде Ярославской губернии местным исправником были схвачены неизвестные мужчина и женщина. При допросе мужчина показал: зовут его Егор

Иванов, откуда он – того не знает, отца у себя кроме Христа спасителя не имел и не имеет, от роду 65 лет. То же заявила и женщина.

При священническом увещевании в земском суде люди эти дополнили, что, кроме одного небесного царя, никого на земле, как то: государя императора, установленного гражданского и духовного правительства, не признают. На допросе в палате Егор Иванов повторил, что ему 70 лет, властей духовных и гражданских не признает, а принимает их за отступников от правил религии христианской. Егор Иванов был сослан в Соловецкий монастырь для употребления в работы, но почему-то содержался в остроге, где и пробыл до своей смерти, случившейся в 1839 году. Умер твердым в своих заблуждениях».

«В 1835 году в Ярославской губернии пойман неизвестный человек, называющий себя Иваном. Он заявил себя непризнающим святых угодников, императора и никакого начальства. По повелению государя был отправлен в Соловки для употребления по летам в работы. В том же году по высочайшему повелению отдан в солдаты».

«В 1849 году рекрут из крестьян Московской губернии Иван Шурупов, 19 лет, по принятии на службу, отказался дать присягу, несмотря на всевозможные принуждения. Свой отказ он мотивировал тем, что, по слову божьему, нужно служить одному богу, а потому служить государю он не хочет и присяги принимать не желает, боясь быть клятвопреступником. Начальство, рассуждая, что разглашать это дело, предав суду Шурупова, было бы соблазном, решило заключить его в монастырь. Император Николай Павлович на докладе о Шурупове положил такую резолюцию: «Отправить упомянутого рекрута с конвойными в Соловецкий монастырь».

Таковы некоторые из попавших в печать сведений об отдельных лицах, едва ли тысячный процент всех людей в России, не признававших возможности соединить исповедание христианства с повиновением государственной власти. Целых же общин, много тысяч человек, признающих несовместимость учения Христа и существующего порядка, было в прошлом веке и продолжает существовать и теперь, очень много: и молокане, и иеговисты,

и хлысты, и скопцы, и старovery и многие другие, большею частью скрывающие свое непризнание государственной власти, но считающие ее произведением начала зла – дьявола. В особенности заметны и сильны в прошлом столетии были своим прямым отрицанием государственной власти несколько десятков тысяч духоборов, из которых недавно тысячи, несмотря на все гонения, устояли в истине и переселились в Америку. Число людей, признающих несовместимость христианства с покорностью государству, постоянно увеличивалось; в наше же время, в особенности с тех пор, как правительством было введено самое очевидно противоположное христианскому учению требование общей воинской повинности, несогласие людей христианского понимания с государственным устройством стало всё чаще и чаще проявляться.

Так, в самое последнее время всё больше и больше молодых людей отказываются от военной службы и предпочитают все жестокие мучительства, которым их подвергают, отречению от закона бога, как они понимают его.

Мне случайно известны несколько десятков человек в России, отчасти выстрадавших тяжелые мучительства за веру, отчасти теперь еще сидящих по тюрьмам. Вот имена некоторых из пострадавших: Залюбовский, Любич, Мокеев, Дрожжин, Изюмченко, Ольховик, Серeda, Фарафонов, Егоров, Ганжа, Акулов, Чага, Шевчук, Буров, Гончаренко, Захаров, Тригубов, Волков, Кошевой; из сидящих теперь по тюрьмам мне известны: Иконников, Куртыш, Варнавский, Орлов, Мокрый, Молосай, Кудрин, Панчиков, Сиксне, Дерябин, Калачев, Баннов, Маркин.

Знаю про таких же людей в Австрии, Венгрии, Сербии, Болгарии. В Болгарии их особенно много. Мало этого: отказы эти в последнее время стали происходить, и на тех же основаниях, и в магометанском мире: в Персии среди бабидов, в России в секте божьего полка, основанной в самое последнее время в Казани Вайсовым.

Основа этих отказов одна и та же, самая естественная, необходимая, неоспоримая. Основа эта в признании и необходимости следования религиозному закону преимуществен-

но перед законом государственным, когда они противоположны. Закон же государственный со своим требованием военной службы, то есть готовности к убийству по воле других людей, не может не быть противоположен всякому религиозно-нравственному закону, всегда основанному на любви к ближнему, как все религиозные учения, не только христианское, но и магометанское, и буддийское, и браминское, и конфуцианское.

То самое точное определение закона любви, не допускающее никакого исключения, которое высказано было Христом 1900 лет тому назад, в наше время уже не вследствие следования Христу, а непосредственно признается уже наиболее нравственно чуткими людьми всех вер.

Да, средство спасения только в этом.

Сначала кажется, что отказы от военной службы частные случаи, касающиеся только военной службы, но ведь это только кажется. Отказы эти ведь не суть случайные поступки людей, вызванные известными обстоятельствами, отказы эти – последствия истинного и искреннего исповедания религиозного уче-

ния. А такое исповедание естественно разрушает всё то устройство жизни, которое основано на несогласных, противоположных ему началах. Разрушает оно существующее устройство потому, что, если люди, понимая то, что участие в насилии несовместимо с христианством, не будут идти в солдаты, в сборщики податей, в судьи, в присяжные, в полицейские, во всякого рода начальники, то ясно, что не будет и тех насилий, от которых теперь страдают люди.

XII

Когда ты можешь сказать по правде и от всего сердца: господи, боже мой! веди меня туда, куда ты хочешь, – тогда только ты избавишься от рабства и сделаешься истинно свободным.

Свободный человек распоряжается только тем, чем можно распоряжаться беспрепятственно. А распоряжаться вполне беспрепятственно можно только самим собою. И потому, если ты увидишь, что человек хочет распоряжаться не самим собою, а другими, то знай, что он не свободен:

*он сделался рабом своего желания
властвовать над людьми.*

Эпиктет.

Но что же могут сделать эти сотни, тысячи, допустим сотни тысяч ничтожных, бес- сильных, разрозненных людей против всего огромного количества людей, связанных пра- вительствами и вооруженных всеми могуще- ственными орудиями насилия? Борьба кажет- ся не только не равной, но невозможной, а между тем исход борьбы так же мало может быть сомнителен, как исход борьбы ночного мрака и утренней зари.

Вот что пишет один из тех юношей, кото- рые сидят по тюрьмам за отказ от военной службы:

«Иногда мне приходится говорить с солда- тами из караула, и всякий раз искренно улыб- нешься, когда говорят мне: «Эх, землячок, плохо, что молодость вся ваша пройдет в за- ключении». – А не всё ли равно, скажешь им, конец-то ведь всем один.

– Так-то оно так, да вам бы и в роте плохо не было, если бы служили. – Да ведь мне здесь покойнее, – говоришь им, чем вам в роте. –

Уж что говорить, – насмешливо, иронически говорят они. – Хорошего мало. Четвертый год сидите. А кабы служили, домой давно бы уехали, а то когда вас теперь освободят. – Да коли мне и здесь хорошо, – скажешь им. Покачают головой и задумаются. – Чудно.

Подобного рода разговоры происходят у меня и с товарищами моими по камере – солдатами. Один еврей солдат говорит мне: – Удивительно. Сколько вы страдаете и всегда почти веселый и бодрый. – А прочие товарищи мои по камере, когда кто из них заскучает, загрустит, говорят: «Эх ты! не успел сесть, а уж и затосковал! Ты вон смотри на отца (так они прозвали меня за мою небольшую бородку), он вон уж сколько сидит, а веселый». И так слово за слово завязывается у нас разговор. Бывает, что и попусту болтаем, а бывает, что и дельную балачку заведем: о боге, о жизни и обо всем, что заинтересует. А то кто-нибудь из них рассказывает из своей жизни в деревне, и как хорошо себя чувствуешь, слушая это. – Итак, в общем, живется мне ничего».

Вот что пишет другой:

«Внутренняя жизнь моя не скажу, что бывает всегда одинакова, бывают и минуты изнеможения и минуты радости.

В настоящее время чувствую себя хорошо, да все-таки много надо иметь сил, чтобы победоносно смотреть на всё то, что часто встречаешь в тюремной жизни, тогда стараешься вникнуть в подробность дела и убеждаешь себя, что всё это творится только во мгновении времени, что во мне есть, положено сил более, чем этого нужно для этого случая, и тогда радость опять озаряет сердце, и забываешь про всё, всё случившееся. Так во внутреннем борении проходит жизнь».

Вот что пишет третий:

«28 марта был мне суд, я приговорен на 5 лет, 5 месяцев и шесть дней в арестантское отделение. Вы не поверите, как легко и радостно стало мне после суда: словно после тяжелой ноши чувствуешь себя легко, когда снял ее, так и я чувствую после суда легко и бодро и желаю навсегда чувствовать так хорошо».

Но не то с душевным состоянием тех людей, которые пользуются насилием, подчиня-

ются ему, участвуют в нем. Все эти тысячи, миллионы людей вместо естественного и свойственного людям чувства любви к братьям испытывают ко всем людям, кроме маленького кружка единомышленников, только чувства ненависти, осуждения и страха, и до такой степени заглушают в себе все человеческие чувства, что убийства братьев кажутся им необходимыми условиями блага их жизни.

«Вы говорите: жестокость казней, но что же делать с этими мерзавцами?» – говорят теперь в России такие люди из области консерваторов. «Во Франции достигли успокоения после, не помню, сколько тысяч голов. Пускай они перестанут чинить и швырять бомбы, и мы перестанем вешать их».

С такой же нечеловеческой жестокостью требуют, желают руководители революции смерти правителей, революционные рабочие и земледельцы смерти капиталистов и землевладельцев.

Люди эти знают, что делают не то, что свойственно и должно, и боятся и лгут и стараются вызвать в себе злобу, чтобы не видать

правды, заглушить в себе ту истину, которая живет в них и зовет их, и не переставая страдают самыми жестокими страданиями, страданиями душевными.

Одни знают, что делают то, что свойственно всем людям, делают то, к чему идет человечество и что неизменно дает благо и отдельному человеку и всем людям; другие, как ни стараются скрыть это от себя, знают, что делают то, что несвойственно, противно всем людям, то, от чего всё больше и больше уходит человечество, делают то, от чего страдает и отдельный человек и все люди и больше всего они сами. На одной стороне – сознание несвободы, страх и скрытность, на другой – свобода, спокойствие и открытость; на одной – безверие, на другой – вера; на одной ложь, на другой истина; на одной ненависть – на другой любовь; на одной отжившее мучительное прошедшее – на другой наступающее радостное будущее. Так какое же может быть сомнение в том, на чьей стороне будет победа?

Неотразимую истину высказал умерший теперь французский писатель, когда писал

это удивительное, вдохновенное письмо:

«Духовная сила никогда так не занимала, никогда не наладала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивидуальных душ, которые отдельно желали общественного перерождения, мало-помалу отыскали, призвали друг друга, сблизились, соединились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало; они составили, таким образом, общую, коллективную душу, с тем, чтобы люди вперед осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильный прогресс наций, недавно еще враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее.

Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их представители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками и даже эти ребячества Сорбон-

ны суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это – последние судороги того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие организма освободиться от смертоносного начала.

Те, которые воспользовались и надеялись еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого – эти вооружения, эти угрозы, эти гонения; но если вы взгляните внимательнее, вы увидите, что всё это только внешнее. Всё это колоссально, но пусто.

Во всем этом уж нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются в виду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми они должны сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже зарождающихся, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и искреннее сострадание.

Взаимное понимание неизбежно наступит

в определенное время, и более близкое, чем мы полагаем. Я не знаю, происходит ли это оттого, что я скоро уйду из этого мира и что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: «любите друг друга», без рассуждения о том, кто сказал эти слова: бог или человек». (Дюма-сын.)

Да, в этом, только в этом осуществлении в жизни закона любви не в его ограниченном, а в его истинном значении, как высшего закона, не допускающего никаких исключений, только в этом одном спасение от того ужасного, становящегося всё более и более бедственным, кажущегося безвыходным, положения, в котором находятся теперь народы христианского мира.

XIII

Общественная жизнь может быть улучшена только самоотречением людей.

Говорят: одна ласточка не делает весны; но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться? Если так дожидаться всякой почке и травке, то весны никогда не будет. Так и нам для установления царства божия не надо думать о том, первая ли я, или тысячная ласточка.

Делай свое дело жизни, исполняя волю бога, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

Над людьми мира нависла страшная тяжесть зла и давит их. Люди, стоящие под этой тяжестью, всё более и более задавливаемые, ищут средств избавиться от нее.

Они знают, что общими силами они могут поднять тяжесть и сбросить ее с себя; но они

не могут согласиться все вместе взяться за нее, и каждый сгибается всё ниже и ниже, предоставляя тяжести ложиться на чужие плечи, и тяжесть всё больше и больше давит людей и давно бы уже раздавила их, если бы не было людей, руководящихся в своих поступках не соображениями о последствиях внешних поступков, а только внутренним соответствием поступка с голосом совести. И такие люди и были и есть – христиане, потому что в том, чтобы вместо цели внешней, для достижения которой нужно согласие всех, ставить себе цель внутреннюю, для достижения которой не нужно ничьего согласия, и состоит сущность христианства в его истинном значении. И потому спасение от порабощения, в котором находятся люди, невозможное для людей общественных, и совершалось и совершается только христианством, только заменой закона насилия законом любви.

Цель общей жизни не может быть вполне известна тебе – говорит христианское учение каждому человеку – и представляется тебе только как всё большее и большее приближение к благу всего мира, к осуществлению цар-

ства божия; цель же личной жизни несомненно известна тебе и состоит в осуществлении в себе наибольшего совершенства любви, необходимого для осуществления царства божия. И цель эта всегда известна тебе и всегда достижима.

Тебе могут быть неизвестны наилучшие частные внешние цели; могут быть положены преграды для осуществления их; но приближение к внутреннему совершенству, увеличение любви в себе и в других не может быть ничем и никем остановлено.

И стоит только человеку поставить себе вместо ложной внешней общественной цели эту одну истинную, несомненную и достижимую внутреннюю цель жизни, чтобы мгновенно распались все те цепи, которыми он, казалось, был так неразрывно скован, и он почувствовал бы себя совершенно свободным...

Христианин освобождается от государственного закона тем, что не нуждается в нем ни для себя, ни для других, считая жизнь человеческую более обеспеченною законом любви, который он исповедует, чем законом,

поддерживаемым насилием...

Для христианина, познавшего требования закона любви, все требования закона насилия не только не могут быть обязательны, но всегда представляются теми самыми заблуждениями людей, которые подлежат обличению и упразднению...

Исповедание христианства в его истинном значении, включающем непротивление злу насилием, освобождает людей от всякой внешней власти. Но оно не только освобождает их от внешней власти, оно вместе с тем дает им возможность достижения того улучшения жизни, которого они тщетно ищут через изменение внешних форм жизни.

Людям кажется, что положение их улучшится вследствие изменения внешних форм жизни, а между тем изменение внешних форм есть всегда только последствие изменения сознания, и только в той мере улучшается жизнь, в которой это изменение основано на изменении сознания.

Все внешние изменения форм жизни, не имеющие в основе своей изменения сознания, не только не улучшают сознания людей,

но большей частью ухудшают его. Не правительственные указы уничтожили избиение детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов. И только в той мере совершилось улучшение жизни, в которой оно было основано на изменении сознания, то есть в той мере, в которой в сознании людей закон насилия заменился законом любви. Людям кажется, что если изменение сознания влияет на изменение форм жизни, то должно быть и обратное, и, так как направлять деятельность на внешние изменения и приятнее (последствия деятельности виднее) и легче, то они всегда предпочитают направлять свои силы не на изменение сознания, а на изменение форм, и потому большей частью заняты не сущностью дела, а только подобием его. Внешняя суетливая, бесполезная деятельность, состоящая в установлении и применении внешних форм жизни, скрывает от людей ту существенную внутреннюю деятельность изменения сознания, которая одна может улучшить их жизнь. И это-то суеверие больше всего мешает общему улучшению жизни людей.

Лучшая жизнь может быть только тогда, когда к лучшему изменится сознание людей, и потому все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны бы быть направляемы на изменение сознания своего и других людей.

Христианство в его истинном значении, и только такое христианство, освобождает людей от того рабства, в котором они находятся в наше время, и только оно дает людям возможность действительного улучшения своей личной и общей жизни.

Казалось бы, должно быть ясно, что только истинное христианство, исключаящее насилие, дает спасение отдельно каждому человеку и что оно же одно дает возможность улучшения общей жизни человечества, но люди не могли принять его до тех пор, пока жизнь по закону насилия не была изведена вполне, до тех пор, пока поле заблуждений, жестокостей и страданий государственной жизни не было исхожено по всем направлениям.

Часто как самое убедительное доказательство неистинности, а главное, неисполнимости учения Христа приводится то, что учение

это, известное людям 1900 лет, не было принято во всем его значении, а принято только внешним образом. «Если столько уже лет оно известно и все-таки не стало руководством жизни людей, если столько мучеников и исповедников христианства бесцельно погибло, не изменив существующего строя, то это очевидно показывает, что учение это не истинно и неисполнимо», говорят люди.

Говорить и думать так, всё равно, что говорить и думать, что, если посеянное зерно не только не дает тотчас же и цвета и плода, а лежит в земле и разлагается, то это есть доказательство того, что зерно это не настоящее и не всхожее, и можно и надо затоптать его.

То, что христианское учение не было принято во всем его значении тогда же, когда оно появилось, а было только принято во внешнем, извращенном виде, было и неизбежно и необходимо.

Учение, разрушающее всё существовавшее устройство мира, не могло быть принято при своем появлении во всем его значении, а было принято только во внешнем, извращенном виде.

Люди, тогда огромное большинство людей, не были в состоянии понять учение Христа одним духовным путем: надо было привести их к пониманию его тем, чтобы, изведав то, что всякое отступление от учения – гибель, они узнали бы это на жизни, своими боками.

Учение было принято, как не могло быть иначе, как внешнее богопочитание, заменившее язычество, и жизнь продолжала идти дальше и дальше по пути язычества. Но извращенное учение это было неразрывно связано с евангелием, и жрецы лжехристианства, несмотря на все старания, не могли скрыть от людей самой сущности учения, и истинное учение, против воли их, понемногу раскрываясь людям, сделалось частью их сознания.

В продолжение 18 веков шла эта двойная работа: положительная и отрицательная. С одной стороны всё большее и большее удаление людей от возможности доброй и разумной жизни, а с другой стороны всё большее и большее уяснение учения в его истинном смысле.

И в наше время дело дошло до того, что

христианская истина, прежде познававшаяся только немногими людьми, одаренными живым религиозным чувством, теперь, в некоторых проявлениях своих, в виде социалистических учений, сделалась истиной, доступной каждому самому простому человеку, жизнь же общества самым грубым и очевидным образом на каждом шагу противоречит этой истине.

Положение нашего европейского человечества с своей земельной собственностью, податями, духовенством, тюрьмами, гильотинами, крепостями, пушками, динамитами, миллиардерами и нищими действительно кажется ужасным. Но ведь всё это только кажется. Ведь всё это, все те ужасы, которые совершаются, и те, которые мы ожидаем, все ведь делаются или готовы делаться нами самими. Ведь всего этого не только не может не быть, но и должно не быть соответственно состоянию сознания человечества. Ведь сила не в формах жизни, а в сознании людей. А сознание людей находится в самом напряженном, растягиваемом в две противоположные стороны, вопиющем противоречии. Христос ска-

зал, что он победил мир, и он действительно победил его. Зло мира, как ни ужасно оно, уже не существует, потому что оно не существует уже в сознании людей.

Рост сознания происходит равномерно, не скачками, и никогда нельзя найти той черты, которая отделяет один период жизни человечества от другого, а между тем эта черта есть, как есть черта между ребячеством и юностью, зимою и весной и т. п. Если нет определенной черты, то есть переходное время. И такое переходное время переживает теперь европейское человечество. Всё готово для перехода от одного состояния в другое, нужен только тот толчок, который совершит изменение. И толчок может быть дан каждую секунду. Общественное сознание уже отрицает прежнюю форму жизни и давно готово на усвоение новой. Все одинаково и знают и чувствуют это. Но инерция прошедшего, робость перед будущим делают, что то, что уже давно готово в сознании, иногда еще долго не переходит в действительность. В такие моменты достаточно иногда одного слова для того, чтобы сознание получило выражение, и та глав-

ная в совокупной жизни человечества сила – общественное мнение – мгновенно перевернуло бы без борьбы и насилия весь существующий строй...

Спасение людей от их унижения, порабощения и невежества произойдет не через революции, не через рабочие союзы, конгрессы мира, а через самый простой путь, – тот, что каждый человек, которого будут привлекать к участию в насилии над своими братьями и над самим собой, сознавая в себе свое истинное духовное «я», с недоумением спросит: «Да зачем же я буду делать это?»

Не революции, хитрые, мудрые, социалистические, коммунистические устройства союзов, арбитражи и т. п. спасут человечество, а только такое духовное сознание, когда оно сделается общим.

Ведь стоит только человеку очнуться от гипноза, скрывающего от него его истинное человеческое призвание, чтобы не то что отказаться от тех требований, которые предъявляет ему государство, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями.

«И пробуждение это может совершиться каждую минуту», – так писал я 15 лет тому назад. – Пробуждение это совершается, – смело пишу я теперь. Знаю я, что я с своими 80-ю годами не увижу его, но знаю так же верно, как то, что после зимы наступит весна, а после ночи – день, что время это наступило в жизни нашего христианского человечества.

XIV

Душа человеческая по природе своей христианка.

Христианство воспринимается людьми всегда как что-то забытое, вдруг вспомнившееся... Христианство поднимает человека на такую высоту, с которой ему открывается радостный мир, подчиненный разумному закону. Чувство, испытываемое человеком, узнающим истину христианства, подобно тому, которое испытал бы человек, запертый в темной душевной башне, когда бы он поднялся на высшую открытую площадку башни, с которой он увидал бы невидный прежде прекрасный мир.

Сознание подчинения закону человеческого порабощает; сознание подчинения божескому закону освобождает. Одно из определенных условий труда человека состоит в том, что чем отдаленнее цель наших стремлений, чем меньше мы желаем сами видеть плоды наших трудов, тем больше и обширнее будет мера нашего успеха.
Джон Рёскин.

Самые важные и нужные для самого и для других дела человека – это те, последствия которых он не увидит.

«**В**сё это может быть, но для того, чтобы люди могли освободиться от той, основанной на насилии, жизни, в которой они запутаны и которая держит их, нужно, чтобы все люди были религиозны, то есть готовы были бы ради исполнения закона бога быть готовыми пожертвовать своим телесным, личным благом и жить не будущим, а только настоящим, стремясь только в этом настоящем исполнять открытую им в любви волю бога. Но люди нашего мира не религиозны и потому не могут жить так».

Так говорят люди нашего времени, как бы предполагая, что религиозное сознание, вера – есть состояние, несвойственное человеку, что религиозное сознание в человеке есть нечто исключительное, воспитанное, напущенное. Но думать и говорить так могут люди вследствие особенного состояния христианского мира, временно лишённые самого необходимого и естественного условия жизни человеческой – веры.

Такое возражение подобно тому, которое сделал бы человек против необходимости труда для блага людей тем, что для того, чтобы трудиться, надо иметь силы для этого, но что же делать тем, которые так отвыкли от труда, что не могут, не умеют и не имеют сил телесно трудиться.

Но так же, как труд не составляет нечто искусственное, выдуманное, предписываемое людьми, а нечто неизбежное, необходимое, без чего не могли бы жить люди, так точно и вера, то есть сознание своего отношения к бесконечному и вытекающего из него руководства поступков. Такая вера есть не только не нечто воспитанное, искусственное, исклю-

чительное, а, напротив, такое естественное свойство человеческой природы, без которого, как птицы без крыльев, никогда не жили и не могут жить люди.

Если мы теперь в нашем христианском мире видим людей, лишенных, или, вернее сказать, не лишенных, а с затемненным религиозным сознанием, то уродливое, неестественное положение это только временное и случайное, положение немногих, происшедшее от тех особенных условий, в которых жили и живут люди христианского мира, точно такое же исключительное, как и положение тех людей, которые живут и могут жить, не работая.

И потому для того, чтобы люди, утратившие это свойственное и необходимое для жизни людей чувство, вновь испытали его, им не нужно ничего придумывать, устанавливать, а надо только устранить тот обман, который временно скрыл от них это чувство и затемнил его.

Только освободись люди нашего мира от того обмана извращения христианского учения церковной веры и утвержденного на ней

не только оправдания, но возвеличения, несовместимого с христианством, основанного на насилии, государственного устройства, и само собой устранится в душах людей не только христианского, но и всего мира главная помеха к религиозному сознанию высшего закона любви без возможности исключений и насилия, который 1900 лет тому назад был открыт человечеству и который теперь один только удовлетворяет требованиям человеческой совести.

А войдет в сознание закон этот, как *высший* закон жизни – и само собой прекратится то губительное для нравственности состояние людей, при котором величайшие несправедливости и жестокости, совершаемые людьми друг против друга, считаются естественными, свойственными людям поступками, совершится то, о чем мечтают теперь, чего желают и что обещают все социалистические, коммунистические устроители будущих обществ, и гораздо больше этого. И достигается это совершенно противоположными средствами, и только потому и достигается, что будет достигаться не теми, самим себе проти-

воречащими средствами насилия, которыми стараются достигнуть этого как правительства, так и противники их. Достигается это освобождение от мучащего и развращающего людей зла не тем, что люди укрепят или удержат существующее устройство: монархию, республику, какую бы то ни было, и не тем, что, уничтожив существующее устройство, установят лучшее, социалистическое, коммунистическое, вообще не тем, что одни люди будут себе представлять известное, считаемое ими наилучшим, устройство общества и будут насильем принуждать к нему других людей, а только тем, что каждый человек (большинство людей), не думая и не заботясь для себя и для других о последствиях своей деятельности, будет поступать так или иначе, не ради того или иного устройства общества, а только ради исполнения для себя, для своей жизни, признаваемого им высшим, закона жизни, закона любви, не допускающего насилия ни при каких условиях.

Гораздо естественнее представить себе общество людей, управляемое разумными, выгодными и признаваемыми всеми правилами, чем те общества, в которых живут теперь люди, подчиняясь только насилию.

Для непробудившегося человека государственная власть – это некоторые священные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося человека – это люди очень заблудшие, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания, и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Всё это для пробудившегося человека заблудшие и большей частью подкупленные люди, насилующие других людей, точно такие же, как те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насилуют их. Древность этого насилия, размер насилия, организация его – не может изменить сущности дела. Для

пробудившегося человека нет того, что называется государством, и потому нет оправдания всем совершаемым во имя государства насилиям; и потому для него невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

Может быть, что для прежнего состояния людей было нужно государственное насилие, может быть оно нужно еще и теперь, но люди не могут не видеть, не предвидеть того состояния, при котором насилие может только мешать мирной жизни людей. А видя и предвидя это, люди не могут не стремиться к осуществлению такого порядка. Средство осуществления такого порядка есть внутреннее совершенствование и неучастие в насилии.

«Но как же жить без правительства, без власти? Никогда люди не жили так», скажут на это.

Люди так привыкли к этой государственной форме, в которой они живут, что она ка-

жется им неизбежной, всегдашней формой жизни человечества. Но это только кажется: жили и живут люди и вне государственной формы. Жили и живут так теперь все дикие народы, не дошедшие до того, что называется цивилизацией; живут так и люди, ставшие в своем понимании смысла жизни выше цивилизации: живут и в Европе, и в Америке, и в особенности в России христианские общины, отказавшиеся от правительства, не нуждающиеся в нем и только неизбежно терпящие его вмешательство.

Государственная форма есть временная, но никак не постоянная форма жизни человечества. Как жизнь одного человека не неподвижна, а постоянно изменяется, подвигается, совершенствуется, так не переставая изменяется, подвигается, совершенствуется жизнь и всего человечества. Каждый отдельный человек когда-то сосал грудь, играл в игрушки, учился, работал, женился, воспитывал детей, освобождался от страстей, умудрялся к старости. Точно так же умудряется и совершенствуется и жизнь народов, только не годами, как для человека, а веками, тысячелетиями. И как

для человека главные изменения совершаются в области духовной, невидимой, так и в человечестве главные изменения совершаются прежде всего в невидимой области, в его религиозном сознании.

И как изменения эти для отдельного человека совершаются так постепенно, что никогда нельзя указать тот час, день, месяц, когда ребенок перестал быть ребенком, а стал юношей, и юноша мужем, а между тем мы всегда безошибочно знаем, когда переходы эти уже совершились, так точно мы и не можем никогда указать на те годы, когда человечество или известная часть его пережила один религиозный возраст и вступило в другой, следующий; но так же, как мы знаем про бывшего ребенка, что он стал юношей, мы знаем и про человечество или часть его, что оно пережило один и вступило в другой, высший, религиозный возраст, когда переход этот уже совершился.

Такой переход от одного возраста человечества к другому совершился в наше время в жизни народов христианского мира.

Мы не знаем того часа, когда ребенок стал

юношей, но знаем, что бывший ребенок уже не может играть в игрушки; так же мы не можем назвать того года, десятилетия даже, во время которого люди христианского мира выросли из прежней формы жизни и перешли в другую, определяемый их религиозным сознанием, возраст, но не можем не знать, не видеть того, что люди христианского мира уже не могут серьезно играть в завоевания, в свидания монархов, в дипломатические хитрости, в конституции, с своими палатами и думами, в социал-революционные, демократические, анархические партии и революции, а главное, не могут делать всех этих дел, основывая их на насилии.

Особенно это заметно теперь у нас в России, с внешним изменением государственного устройства. Seriously мыслящие русские люди не могут уже не испытывать теперь по отношению всех введенных новых форм управления нечто вроде того, как, если бы взрослому человеку подарили новую, не бывшую у него во время детства, игрушку. Как ни нова и интересна игрушка, она не нужна ему, и он только с улыбкой может смотреть на нее.

Так это у нас, в России, и для всех мыслящих людей и для большой массы народа с нашей конституцией, думой и разными революционными союзами и партиями. Ведь не могут же русские люди нашего времени – я думаю, что не ошибаясь скажу, чующие уже, хотя и в неясном виде, сущность истинного учения Христа, – серьезно верить в то, что призвание человека в этом мире состоит в том, чтобы данный ему короткий промежуток времени между рождением и смертью употребить на то, чтобы говорить речи в палатах или собраниях товарищей социалистов или в судах, судить своих ближних, ловить, запиравать, убивать их, или кидать в них бомбы, или отбирать у них земли, или заботиться о том, чтобы Финляндия, Индия, Польша, Корея были присоединены к тому, что называется Россией, Англией, Пруссией, Японией, или о том, чтобы освободить насильем эти земли и быть для того готовым к массовым убийствам друг друга. Не может человек нашего времени не сознавать в глубине души всего безумия такой деятельности.

Ведь мы не видим всего ужаса, несвой-

ственности человеческой природе той жизни, которую мы ведем, только потому, что все те ужасы, в среде которых мы спокойно живем, наступали так постепенно, что мы не замечали их. Мне довелось в своей жизни видеть заброшенного старика в самом ужасном положении: черви кишели в его теле, он не мог двинуться без страдания ни одним членом, и он не замечал всего ужаса своего положения, так незаметно он пришел к нему, он только просил чайку и сахарцу. То же и мы в нашей жизни: мы не видим всего ее ужаса только потому, что незаметными шажками пришли к своему положению и, как тот старик, не замечаем всего ужаса его и только радуемся на новые кинематографы и автомобили, как тот радовался на чай и сахар. Не говоря уже о том, что нет никакого вероятия, что уничтожение несвойственного человеческой разумной и любовной природе насилия человека над человеком, не улучшило бы, а ухудшило положение людей, не говоря уже об этом, теперешнее положение общества так ужасно дурно, что трудно себе представить положение хуже.

И потому вопрос о том: могут ли люди жить без правительства, не только не страшен, каким хотят представить его защитники существующего строя, а только смешон, как был бы смешон обращенный к истязаемому человеку вопрос о том, как он будет жить, когда его перестанут мучить.

Люди, находящиеся в исключительно выгодном положении, вследствие существования государственного устройства, представляют себе жизнь людей без государственной власти в виде величайшей неурядицы, борьбы всех против всех, точно как будто говорится о сожитии не только животных (животные живут мирно без государственного насилия), а каких-то ужасных существ, руководимых в своей деятельности только ненавистью и безумием. Но представляют они себе людей такими только потому, что приписывают людям те противные их существу свойства, которые воспитаны тем самым государственным устройством, в которое они сложились и которое они, несмотря на то, что оно очевидно не нужно и только вредно, продолжают поддерживать.

И потому на вопрос о том, какая будет жизнь без власти, без правительства? Ответ может быть только один – тот, что наверное не будет всего того зла, которое производит правительство: не будет земельной собственности, не будет податей, употребляемых на ненужные народу дела, не будет разделений народов, порабощения одних другими, не будет поглощения лучших сил народов на приготовление к войнам, не будет страха – с одной стороны бомб, с другой – виселиц, не будет безумной роскоши одних и еще более безумной нищеты других.

XVI

Мы живем в эпоху дисциплины, культуры и цивилизации, но далеко еще не в эпоху морали. При настоящем состоянии людей можно сказать, что счастье государств растет вместе с несчастьем людей. И еще вопрос, не счастливее ли мы были бы в первобытном состоянии, когда у нас не было бы этой культуры, чем в нашем настоящем состоянии.

Ибо как можно сделать людей счастливыми, когда их не делают нравственными и мудрыми!

Кант.

Старайся жить так, чтобы насилие было не нужно тебе.

Мы очень привыкли к рассуждениям о том, как нам устроить жизнь других людей, – людей вообще. И нам такие рассуждения не кажутся странными. А между тем такие рассуждения не могли бы никогда существовать между религиозными и потому свободными людьми. Такие рассуждения суть

последствия деспотизма – управления одним человеком или несколькими людьми другими.

Так рассуждают и сами деспоты и люди, развращенные ими.

Это заблуждение вредно не только потому, что оно мучает, уродует людей, подвергающихся насилию деспотов, но и потому, что ослабляет во всех людях сознание необходимости исправлять себя, тогда как это одно единственно действительное средство воздействия на других людей.

Не только один человек не имеет права распоряжаться многими, но и многие не имеют права распоряжаться одним.

В. Чертков.

«Но все-таки, в какую форму сложится жизнь людей, которые решатся жить без правительства?». Спрашивают люди, очевидно предполагая, что люди всегда знают, в какую форму сложится и в какой форме будет продолжаться их жизнь и что поэтому люди, решающиеся жить без правительства, должны тоже вперед знать, в какую форму сложится их жизнь. Но ведь люди никогда не знали

и не могут знать того, в какую форму в будущем сложится их жизнь. Убеждение о том, что люди могут знать это и даже устраивать эту будущую форму, есть только очень грубое, хотя и очень старое и распространенное суеверие. Подчиняясь ли правительствам, или не подчиняясь им, люди одинаково никогда не знали, не знают и не могут знать, в какую форму сложится их жизнь, и тем более не может по своей воле небольшое число людей устраивать жизнь всех, так как форма жизни людей складывается всегда не по воле некоторых людей, а по очень многим сложным и независимым от воли некоторых людей причинам, из которых главная – нравственное, религиозное состояние большинства людей общества.

Суеверие же о том, что некоторые люди могут не только знать вперед, в какую форму сложится жизнь других, большинства людей, но и могут устраивать в будущем эту жизнь, – суеверие это возникло и держится на желании людей, совершающих насилие, оправдать свою деятельность и на желании людей, терпящих насилие, объяснить и смягчить тя-

жесть испытываемого ими насилия. Люди, совершающие насилие, уверяют себя и других в том, что они знают, что надо делать для того, чтобы жизнь людей приняла ту форму, какую они считают наилучшею. Люди же, терпящие насилия, до тех пор, пока не в силах свергнуть насилия, верят в это, так как только такая вера придает какой-либо смысл их положению.

Казалось бы, история народов должна бы была самым решительным образом разрушить это суеверие.

Несколько людей французского народа в конце XVIII столетия насилием поддерживают деспотическое устройство королевства, но, несмотря на все их усилия, устройство это разрушается и появляется республиканское устройство. И точно так же, несмотря на все усилия людей, руководящих республикой, удержать это устройство, несмотря на величайшие насилия, вместо республики является Наполеоновская империя и так же противно воле правителей вместо наследственной империи появляется коалиция, Карл X, конституция, опять революция, опять новая респуб-

лика и опять вместо республики Людовик Филипп и т. д. до теперешней республики. То же и во всех других насильственных действиях людских. Все усилия папства не только не уничтожают возможности протестантства, а только вызывают его. Все усилия капитализма только усиливают социалистические стремления. Если и держатся некоторое время установленные насильем формы или изменяются насильем же, то только оттого, что в данное время одни формы перестали быть свойственны общему и, главное, духовному состоянию народа, а не потому, что их кто-нибудь поддерживал или устраивал.

Так что вера в то, что одни люди – меньшинство – может устраивать жизнь большинства, то самое, что считается несомненной истиной, такой истиной, во имя которой совершаются величайшие злодеяния, есть только суеверие, деятельность же, основанная на этом суеверии, та политическая деятельность революционеров и правителей и их помощников, которая обыкновенно считается самым почтенным и важным делом, есть в сущности самая пустая, притом же и вред-

ная человеческая деятельность, более всего другого препятствовавшая и препятствующая истинному благу человечества. Реки крови пролиты и проливаются во имя этого суеверия и неисчислимые страдания перенесены и переносятся людьми из-за той глупой и вредной деятельности, которая возникла на этом суеверии. И что хуже всего, – это то, что реки крови пролиты и проливаются во имя этого суеверия, а между тем именно это суеверие более всего другого препятствовало и препятствует тому, чтобы в общественном устройстве совершались успешно те самые улучшения жизни, которые свойственны и времени и известной ступени развития человеческого сознания. Суеверие это препятствует истинному прогрессу главное тем, что во имя сохранения и укрепления, или изменения и улучшения общественного устройства, люди, обращая все свои силы на воздействие на других людей, этим самым лишают себя той деятельности внутреннего совершенствования, которая одна может содействовать изменению устройства всего общества.

Человеческая жизнь в своей совокупности

двигается и не может не придвигаться к тому вечному идеалу совершенства только приближением каждого отдельного человека к своему личному, такому же безграничному совершенству.

Какое же страшное губительное суеверие то, под влиянием которого люди, пренебрегая внутренней работой над собою, то есть тем одним, что действительно нужно для блага своего и общего и в чем одном властен человек, направляют все свои силы на находящееся вне их власти устройство жизни других людей и для достижения этой невозможной цели употребляют наверное дурные и вредные для себя и других средства насилия, вернее всего отдаляющие их как от своего личного, так и от общего совершенства?!

XVII

Стоит человеку отвернуться от разрешения внешних вопросов и поставить себе единый, истинный, свойственный человеку внутренний вопрос, как ему лучше прожить свою жизнь, чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение.

Мы не знаем, не можем знать, в чем состоит общее благо, но твердо знаем, что достижение этого общего блага возможно только при исполнении того закона добра, который открыт каждому человеку.

Когда бы люди захотели, вместо того чтобы спасти мир, спасти себя; вместо того чтобы освободить человечество, себя освободить – как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества!

Герцен.

В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать ее.

Делай свое дело жизни, исполняя волю

бога, и будь уверен, что только этим путем ты будешь самым плодотворным образом содействовать улучшению общей жизни.

«**В**сё это может быть и справедливо, но воздерживаться от насилия будет разумно только тогда, когда все или большинство людей поймут невыгоду, ненужность, неразумность насилия. Пока же этого нет, что делать отдельным людям? Неужели не ограждать себя, предоставить себя и жизнь и судьбу своих близких произволу злых, жестоких людей?

Но ведь вопрос о том, что я должен сделать для противодействия совершаемому на моих глазах насилию, основывается всё на том же грубом суеверии о возможности человека не только знать будущее, но и устраивать его по своей воле. Для человека, свободного от этого суеверия, вопроса этого нет и не может быть.

Злодей занес нож над своей жертвой, у меня в руке пистолет, я убью его. Но ведь я не знаю и никак не могу знать, совершил ли бы, или не совершил бы занесший нож свое намерение. Он мог бы не совершить своего злого намерения, я же наверное совершу свое

злое дело. И потому одно, что может и должен человек сделать как в этом, так и во всех подобных случаях, это то, что должно делать всегда во всех возможных случаях: делать то, что он считает должным перед богом, перед своей совестью. Совесть же человека может требовать от него жертвы своей, но никак не чужой жизни. То же самое относится и к способам противодействия злу общественному.

Так что на вопрос о том, что делать человеку при виде совершаемых злодейств одного или многих людей, ответ человека, свободно от суеверия возможности знания будущего состояния людей и возможности устройства такого состояния насильем, только один: поступать с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой.

«Но он крадет, грабит, убивает, я же не краду, не граблю, не убиваю. Пускай он исполняет закон взаимности, тогда и от меня можно будет требовать исполнения его», обыкновенно говорят люди нашего мира, и с тем большей уверенностью, чем на более высокой ступени общественного положения они находятся. – «Я не краду, не граблю, не убиваю», – го-

ворит правитель, министр, генерал, судья, земельный собственник, торговец, солдат, полицейский. Суеверие общественного устройства, оправдывающее всякого рода насилие, до такой степени омрачило сознание людей нашего мира, что они, не видя тех сплошных, непрерывающихся грабежей, убийств, которые совершаются во имя суеверия будущего устройства мира, видят только те редкие попытки насилия так называемых убийц, грабителей, воров, не имеющих за собой оправдания насилия во имя блага.

«Он вор, он грабитель, он убийца, он не соблюдает правила не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали», говорят – кто же? – те самые люди, которые не переставая убивают на войнах и заставляют людей готовиться к убийствам, грабят и обкрадывают чужие и свои народы.

Если правило о том, чтобы делать другому то, что ты хочешь, чтобы тебе делали, стало недостаточным против людей, которых в нашем обществе называют убийцами, грабителями и ворами, то только потому, что эти люди составляют часть того огромного большин-

ства народа, которое не переставая поколения за поколениями убивалось, ограблялось и обкрадывалось людьми, вследствие своих суеверий не видящими преступности своих поступков.

И потому на вопрос о том, как поступать относительно тех людей, которые будут покушаться на совершение против нас всякого рода насилий, ответ один: перестать делать другому то, чего ты не желаешь, чтобы тебе делали.

Но не говоря уже о всей несправедливости приложения отжившего закона возмездия к некоторым случаям насилия, оставляя безнаказанными самые ужасные и жестокие насилия, совершаемые государством во имя суеверия будущего устройства, приложение грубого возмездия за насилия, совершаемые так называемыми разбойниками, ворами, кроме того явно неразумно и ведет прямо к противоположному той цели, ради которой совершается. Ведет к противоположной цели потому, что разрушает ту могущественнейшую силу общественного мнения, которая в сто раз больше острогов и виселиц ограждает людей

от всякого рода насилий друг над другом.

И это же рассуждение с особенной поразительностью приложимо к отношениям международным. «Что делать, когда придут дикие народы, будут отнимать от нас плоды трудов наших, наших жен, дочерей?», говорят люди, думая только о возможности предупреждения против себя тех самых злодейств и преступлений, которые они, забывая их, не переставая совершают против других народов. Белые говорят: желтая опасность. Индусы, китайцы, японцы говорят с гораздо большим основанием: белая опасность. Ведь стоит только освободиться от суеверия, оправдывающего насилия, для того, чтобы ужаснуться на все те преступления, которые совершены и не переставая совершаются одними народами над другими, и еще более ужаснуться перед той нравственной, происходящей от суеверия тупостью народов, при которой англичане, русские, немцы, французы, южно-американцы могут говорить ввиду ужасающих преступлений, совершенных и совершаемых ими в Индии, Индо-Китае, Польше, Манчжурии, Алжире, – не только об угрожающих им опасностях

насилий, но и о необходимости оградить себя от них.

Так что стоит только человеку в мыслях хоть на время освободиться от того ужасного суеверия возможности знания будущего устройства общества, оправдывающего всякого рода насилия для этого устройства, и искренно и серьезно посмотреть на жизнь людей, и ему ясно станет, что *признание необходимости противления злу насилем есть не что иное, как только оправдание людьми своих привычных, излюбленных пороков: мести, корысти, зависти, честолюбия, властолюбия, гордости, трусости, злости.*

XVIII

Самим создателем предопределено, чтобы мерилom всех человеческих поступков служила не выгода, а справедливость, и, в силу этого, все усилия определить степень выгоды всегда бесплодны. Ни один человек никогда не знал, не знает и не может знать, каковы будут как для него, так и для других людей конечные результаты известного поступка или целого ряда поступков. Но каждый человек может знать, какой поступок справедлив и какой нет. И все мы точно так же можем знать, что последствия справедливости будут, в конце концов, наилучшие как для других, так и для нас, хотя мы не в силах заранее сказать, каково будет это наилучшее и в чем оно будет состоять.

Джон Рёскин.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.

Иоанн. VIII. 32.

Человек мыслит – так он создан. Ясно, что он должен мыслить разумно. Разумно мыслящий человек прежде всего думает о том, для какой цели он должен жить: он думает о своей душе, о боге. Посмотрите же, о чем думают мирские люди. О чем угодно, только не об этом. Они думают о плясках, о музыке, о пении и тому подобных удовольствиях; они думают о постройках, о богатстве, о власти; они завидуют положению богачей и царей. Но они вовсе не думают о том, что значит быть человеком.

Паскаль.

Только освободитесь все вы, страдающие люди христианского мира, как властвующие и богатые, так же и подавленные и бедные, от тех обманов лжехристианства и государственности, которые скрывают от вас то, что открыл вам Христос и чего требует ваш разум и ваше сердце, – и вам ясно станет, что в вас, только в вас самих причины всех телесных страданий – нужды – и духовных: сознания несправедливости, зависти, раздражения, которые мучают вас, задавленных и бед-

ных; и в вас же, вы, властвующие и богатые, – причины тех страхов, укоров совести, сознания греха своей жизни, которые более или менее, по степени вашей нравственной чуткости, тревожат и вас.

Поймите вы, и те и другие, что вы не рождены ни рабами, ни повелителями других людей, что вы свободные люди, но свободные и разумные только тогда, когда вы исполняете высший закон своей жизни. И закон этот открыт вам, и стоит вам только откинуть те лжи, которые скрывают его от вас, чтобы вам ясно было, в чем этот закон и в чем ваше благо. Закон этот в любви, и благо – только в исполнении этого закона. Поймите это – и вы станете истинно свободными и получите всё то, чего теперь так тщетно стараетесь достигнуть теми сложными путями, на которые увлекают вас запутанные, ни во что не верующие, развращенные люди.

«Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, – и я успокою вас. Возьмите иго мое на себя и научитесь от меня: ибо я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим. Иго мое благо и бремя мое лег-

ко» (Матф. XI, 28—30). Спасет, избавит вас от претерпеваемого вами зла и даст вам истинное благо, к которому вы так неумело стремитесь, не желание своей выгоды, не зависть, не следование партийной программе, не ненависть, не негодование, не желание славы, даже не чувство справедливости, и главное, не забота об устройстве жизни других людей, а только деятельность для своей души, как ни странно это вам покажется, не имеющая никакой внешней цели, никаких соображений о том, что из нее может выйти.

Поймите, что предположение о том, что человек может устроить жизнь других людей, есть грубое суеверие, признаваемое людьми только по своей древности. Поймите, что люди, занятые тем, чтобы устраивать жизнь других людей, начиная с монархов, президентов, министров и кончая шпионами, палачами, так же как и членов и руководителей партий, диктаторов, представляют из себя не нечто высокое, как думают теперь многие, но, напротив, людей жалких, глубоко заблуждающихся, занятых не только невозможным и глупым, но одним из самых гадких дел, какие

может избрать человек.

Люди уже понимают жалкую низость шпиона, палача, начинают понимать это отношение к жандарму, полицейскому, даже отчасти к военному, но еще не понимают этого по отношению к судье, сенатору, министру, монарху, руководителю, участнику революции. А между тем дело сенатора, министра, монарха, руководителя партии точно так же низко, несвойственно человеческой природе, гадко, даже хуже дела палача, шпиона, тем, что оно, будучи таким же, как и дело палача, шпиона, прикрито лицемерием.

Поймите вы, все люди, особенно вы, молодые люди, что не только посвящать свою жизнь, но заниматься тем, чтобы по своим мыслям насилием устраивать жизнь других людей, есть не только грубое суеверие, но есть гадкое, преступное, губительное для души дело. Поймите, что свойственному просвещенной душе человека желанию блага других людей удовлетворяет никак не суеверия устройства их жизни посредством насилия, а только та внутренняя работа над собой, в которой одной вполне свободен и властен чело-

век. Только эта работа, состоящая в увеличении в себе любви, может служить удовлетворением этого желания. Поймите, что всякая деятельность, направленная на устройство жизни других людей посредством насилия, не может служить благу людей, а есть всегда более или менее сознаваемый лицемерный обман, под личиной служения людям скрывающий низкие страсти: тщеславие, гордость, корыстолюбие.

Поймите это, особенно вы, молодежь, поколение будущего, перестаньте, как это делают теперь большинство из вас, искать этого воображаемого счастья в составлении блага народа посредством участия в управлении, в суде, в обучении других людей, поступления для этого в приучающие вас к праздности, самомнению, гордости, развращающие заведения всякого рода гимназий, университетов, перестаньте участвовать в разных организациях, имеющих целью будто бы благо народных масс, а ищите одного того, что всегда одно нужно всякому человеку, что всегда доступно всякому, что дает наибольшее благо ему самому и вернее всего служит благу его

ближних. Ищите в себе одного: увеличения любви посредством уничтожения всего того: ошибок, грехов, страстей, что мешает ее проявлению, и вы наидействительнейшим способом будете содействовать благу людей. Поймите, что исполнение в наше время познанного нами высшего закона любви, исключаящего насилие, так же неизбежно для нас, как неизбежен для птиц закон перелета, витья гнезд, закон питания растениями для травоядных, и мясом для хищных животных, и что поэтому всякое наше отступление от этого закона навверное губительно для нас.

Только поймите это и положите жизнь в этой радостной работе, только начните это делать – и вы тотчас же узнаете, что в этом, только в одном этом деле жизни человека и что это одно производит то улучшение жизни всех людей, к которому вы стремитесь так тщетно и такими ложными путями. Поймите, что благо людей только в единении их, единение же не может быть достигнуто посредством насилия. Единение достигается только тогда, когда люди, не думая об единении, каждый думает только об исполнении закона

жизни. Только этот высший закон жизни, один для всех людей, соединяет людей.

Высший закон жизни, открытый Христом, ясен теперь людям и одно следование ему может теперь до тех пор, пока не будет открыт новый, еще более ясный и близкий закон душе человеческой, соединить людей.

XIX

Одни ищут блага или счастья во власти, другие – в науке, третьи – в сластолюбии. Те же люди, которые, действительно, близки к своему благу, понимают, что оно не может быть в том, чем владеть могут только некоторые люди, а не все. Они понимают, что истинное благо человека таково, что им могут обладать все люди разом, без раздела и без зависти; оно таково, что никто не может потерять его, если он сам того не захочет.
Паскаль.

Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, всемирный дух, проникающий нас всех вместе и каж-

дого, как единицу, влагающий в каждого стремление к тому, что должно; тот самый дух, который в дереве велит ему расти к солнцу, в цветке велит ему бросить семя к осени и в нас велит нам стремиться к богу и в этом стремлении всё более и более соединяться друг с другом.

Истинная вера влечет к себе не тем, что обещает благо верующему, а тем, что представляет единственное прибежище спасения от всех бед и смерти.

Спасение не в обрядах и исповедании веры, а в ясном понимании смысла своей жизни.

Вот всё, что я хотел сказать.

Хотел сказать я то, что мы дожили в наше время до того положения, в котором нам нельзя долее оставаться, и что, хотим мы или не хотим этого, мы должны вступить на новый путь жизни, и что для того, чтобы нам вступить на этот путь, нам не нужно ни выдумывать новой веры, ни новых научных теорий, которые могли бы объяснить смысл жизни и руководить ею, — главное, не нужно и

никакой особенной деятельности, а нужно только одно: освободиться от суеверий как лжехристианской веры, так и государственного устройства.

Только пойми всякий человек, что он не только не имеет никакого права, но и возможности устраивать жизнь других людей, что дело каждого устраивать, блюсти только свою жизнь, соответственно тому высшему религиозному закону, который открыт ему, и само собой уничтожится то мучительное, несоответственное требованиям нашей души и всё ухудшающееся и ухудшающееся зверское устройство жизни так называемых христианских народов.

Кто бы ты ни был: царь, судья, земледелец, мастеровой, нищий, подумай об этом, пожалей себя, пожалей свою душу... Ведь как бы ты ни был затуманен, одурен своим царством, властью, богатством, как бы ты ни был измучен, озлоблен своей нуждой и обидой, ты так же, как и мы все, обладатель или скорее проявитель того же духа божья, который живет во всех нас и который в наше время ясно, понятно говорит тебе: зачем, для чего ты

мучаешь себя и всех, с кем имеешь общение в этом мире? Только пойми, кто ты, и как, с одной стороны, ничтожно то, что ты ошибочно называешь собою, признавая себя в своем теле, как необъятно велико то, что ты сознаешь истинно собою, – твое духовное существо, – только пойми это и начни каждый час своей жизни жить не для внешних целей, а для исполнения того истинного назначения твоей жизни, которое открыто тебе и мудростью всего мира, и учением Христа, и твоим собственным сознанием, начни жить, полагая цель и благо твоей жизни в том, чтобы с каждым днем всё больше и больше освобождать дух свой от обманов плоти, всё больше и больше совершенствоваться в любви, что в сущности одно и то же; только начни делать это – и с первого часа, дня ты почувствуешь, какое новое и радостное чувство сознания полной свободы и блага всё больше и больше будет вливаться в твою душу и – что больше всего поразит тебя – как те самые внешние условия, которыми ты так был озабочен и которые всё-таки так далеки были от твоих желаний, – как эти условия сами собой (оставляя

тебя в твоём внешнем положении или выводя из него) перестанут быть препятствиями и будут только всё большими и большими радостями твоей жизни.

И если ты несчастлив, — а я знаю, что ты несчастлив, — подумай о том, что то, что предлагается тебе здесь, выдуманно не мною, а есть плод духовных усилий всех высших, лучших умов и сердец человечества, и что в этом одном единственное средство избавиться тебе от твоего несчастья и получить величайшее благо, доступное человеку в этой жизни.

Вот это я и хотел, прежде чем умереть, сказать своим братьям.

2-го июля 1908 года.

Ясная Поляна.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

(К гл. III)

Самые вредные люди повешены или сидят по каторгам, крепостям и тюрьмам; другие, менее вредные десятки тысяч людей, выгнаны из столиц и больших городов и голодные, оборванные бродят по России; явные полицейские хватают, тайные разведывают и следят; все вредные правительству книги и газеты извлекаются из обращения. В Думе идут споры ораторов разных партий о том, как соблюсти благо народа, строить или не строить флот, так или иначе устраивать крестьянское землевладение, как и почему собирать или не собирать собор. Есть лидеры, которые ходят по кулуарам, есть кворум, блоки, премьеры, и всё до капельки, как у всех цивилизованных народов. Казалось бы, чего же еще. А между тем распадение существующего строя жизни именно теперь и именно у нас в России всё больше и больше приближается.

Ну хорошо, вы, правительственные люди, перевешаете, перестреляете еще 5, 10, 30 тысяч, как, очевидно, вы, подражая прежним ев-

ропейским подавлениям революций, и собираетесь сделать. Ну хорошо, вы сделаете это. Но ведь, кроме петли, виселицы, шпионов, винтовки, приклада, тюрем, есть еще силы духовные, самые могущественные, гораздо более сильные, чем всевозможные виселицы и тюрьмы. Ведь у всех задавленных вами веревками и застреленных вами, над вырытыми для них, живых, могилами, были и есть отцы, братья, жены, сестры, друзья, единомышленники, и, если казни эти избавляют нас от тех, которые зарыты в могилы, то эти казни возрождают не только в их близких, но и в чужих людях вдвое больше и вдвое злейших врагов вам, чем те, которые вами убиты и зарыты в землю. Чем больше вы перебьете людей, тем меньше вам возможности избавиться от главного врага вашего: от ненависти к вам людей. Своими преступлениями вы только удесятеряете эту ненависть и делаете ее для себя более опасной.

Но мало того, что вы среди близких казненным увеличиваете врагов своих и увеличиваете их ненависть, вы этими самыми казнями увеличиваете и в совсем посторонних и

вам и вашим врагам людям то чувство жестокости и безнравственности, с которыми вы думаете, что боретесь этими казнями. Ведь казни эти не делаются сами собою теми бумажками, которые вы пишете в своих судах и министерствах. Казни делаются людьми над людьми. Молодой, бывший солдат с явным недоумением о том, как надо относиться к этому, рассказывал мне, как его заставляли рыть траншею – могилу для 10 живых, приговоренных к расстрелу, и как заставляли одних солдат убивать этих приговоренных, а других стоять с заряженными винтовками позади убивающих и быть готовыми стрелять в этих, если они поколеблются в исполнении требуемого от них страшного, нечеловеческого дела. Разве может пройти даром для душ человеческих исполнение таких ужасных дел по приказанию всех властей, которых им внушено уважать и считать священными?

На днях я прочел в газете сообщение о том, как какой-то несчастный генерал-губернатор отдал приказ, в котором выражал похвалу и одобрение двум, по его выражению, молодцам городовым, назначив им по 25 рублей на-

граждения за то, что они застрелили безоружного пленника, который, соскочив с повозки, хотел убежать от них. Я не поверил этому ужасному поступку начальства и написал в редакцию газеты, прося подтверждения. Мне прислали подлинный приказ и объяснили, что такие похвалы за убийства – самые обыкновенные явления, и самые высокопоставленные лица высказывают такие похвалы.

Разве могут такие дела и такие слова проходить бесследно? Не могут такие дерзко высказываемые, извращенные мысли и чувства не оставлять страшных следов развращения, безнравственности, жестокости в душах людей, участвующих в таких делах и читающих такие приказы. Не могут такие дела и приказы не вызывать в людях и недоверия и презрения к тем людям, которые предписывают эти ужасные, противные человеческой совести дела и хвалят и награждают за них. Так что, если казнены тысячи людей, то сколько десятков, сотен тысяч людей, участвовавших так или иначе в этих делах, развращены этим участием, лишены этим участием последних остатков религиозных и нравственных основ

и подготовлены к тому, чтобы, если не ненавидеть еще, то уже презирать людей, совершающих такие дела, и совершать при первом случае те же самые злодейства против тех самых людей, которые теперь заставляют делать их против врагов своих.

А влияние прочитываемых миллионами газетных известий о том, сколько казнено и приговорено к смерти, печатаемых каждый день, как известия о переменах погоды, которые должны и не могут не повторяться ежедневно и постоянно. Если читающие каждый день такие известия и не спрашивают себя, как примирить такие, совершаемые по повелению высшей власти дела, не говорю уже с евангелием, но с 6-ой заповедью Моисея, то не могут противоречия эти не отозваться в душе людей и пренебрежением к заповедям, к религии вообще и к власти, совершающей дела, явно противные и религиозному закону и совести.

Разве не ясно, что совершаемые правящими властями злодеяния, имеющие целью избавление себя и видимых врагов правительственной власти, подготавливают для себя

вдвое, вдесятеро больше врагов невидимых и злейших?

Казалось, не может не быть очевидным всякому мыслящему человеку, что такая деятельность правительства не может улучшить положения. Это должно быть очевидным не только посторонним, но и самим правителям. Не могут они не видеть ясно тщету своей деятельности, не могут не видеть и всей преступности ее. Не могут не видеть потому, что то учение Христа о любви к врагам, которое так старательно скрывалось и скрывается людьми, живущими насилием, — хотя и не вполне, в полном и истинном его значении, а некоторыми частными проявлениями, но все-таки проникло уже в сознание людей христианского мира и думаю, что не ошибаюсь, — особенно живо воспринято было простым рабочим русским народом, который теперь так усердно развращается правительством.

Если Марк Аврелий мог, несмотря на всю свою кротость и мудрость, с спокойной совестью и воевать и распоряжаться казнями людей, то люди христианского мира уже не могут этого делать без внутреннего сознания

своей преступности, и какие бы они ни придумывали лицемерные и глупые гаагские конференции и условные наказания, все эти лицемерные глупости не только не скрывают их преступлений, но, напротив, показывают, что они сами знают, что то, что они делают, дурно. Сколько бы они ни уверяли себя и других, что они по каким-то высшим соображениям делают те ужасные преступления всех законов и божеских и человеческих, которые они не переставая делают, – они не могут скрыть ни от себя, ни от всех добрых людей всей преступности, порочности, низости своей деятельности. Ведь все уже знает теперь, что убийство, какое бы то ни было, гадко, преступно, дурно; знают это и все цари, министры, генералы, сколько бы они ни прятались за какие-то выдуманнные высшие соображения.

То же самое и революционеры каких бы то ни было партий, если они допускают убийство для достижения своих целей. Сколько бы ни говорили они о том, что, когда власть будет в их руках, им не нужно будет употреблять тех средств насилия, которые они упо-

требляют теперь, – поступки их столь же безнравственны и жестоки, как и действия правительств. И потому точно так же, как и злодеяния правительств, производят такие страшные последствия: озлобления, озверения, развращения людей.

Отличается их деятельность только тем, – отчего она и представляется менее преступной, – что тщета деятельности стоящего во власти правительства очевидна, тогда как деятельность революционеров, проявляемая большею частью в теории и только урывками на практике – во времена революций, как у нас теперь, – не так очевидна.

Приемы же и средства борьбы у тех и других одинаково чужды свойствам человеческой души и основам христианского учения и, одинаково озлобляя людей и доводя их до высшей степени неразумия и озверения, не только не достигают той цели, которую они выставляют, но, напротив, только отдаляют людей от возможности достижения ее.

Положение и деятельность обеих враждующих сторон – правительства и революционеров – как в России, так и во всем христиан-

ском мире, с их средствами улучшения быта народа насилием, подобны людям, которые для того, чтобы согреться, ломают стены того дома, в котором живут, и топят ими.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

(К гл. VII)

Христианское учение в его истинном значении, признающее *высшим законом* жизни человеческой закон любви, не допускающий ни в каком случае насилие человека над человеком, учение это так близко сердцу человеческому, дает такую несомненную свободу и такое ни от чего не зависимое благо и отдельному человеку, и обществам людей, и всему человечеству, что, казалось бы, стоило только узнать его, чтобы все люди приняли его за руководство своей деятельности. И люди действительно, несмотря на все усилия церкви скрыть этот закон, всё более и более понимали и стремились осуществить его. Но горе было в том, что к тому времени, когда христианское учение в его истинном значении стало выясняться людям, большая часть

христианского мира уже привыкла считать истиной те внешние религиозные формы, которые не только скрывают от людей истинный смысл христианского учения, но и утверждают прямо противоположные христианскому учению государственные установления. Так что для восприятия христианского учения в его истинном значении людям христианского мира, более или менее понявшим истину христианства, нужно освободиться не только от веры в ложные формы извращенного христианского учения, но еще и от веры в необходимость, неизбежность того государственного устройства, которое установилось на этой ложной церковной вере.

Так что хотя освобождение от ложных религиозных форм, всё убыстряясь и убыстряясь, совершается, люди нашего времени, откинув веру в догматы, таинства, чудеса, святость библии и другие установления церкви, не могут все-таки освободиться от тех ложных государственных учений, которые основались на извращенном христианстве и скрывают истинное.

Одни люди, большинство рабочего народа,

продолжая по преданию исполнять то, чего требуют церкви, и отчасти вера в это учение, без малейшего сомнения *верят*, именно верят, и в то, возникшее в церковной вере и основанное на насилии государственное устройство, которое ни в каком случае не может быть совместимо с христианским учением в его истинном значении. Другие же люди, так называемые образованные, большей частью уже давно не верящие в церковное, и потому и ни в какое христианство, так же бессознательно верят, как и люди народа, в то государственное устройство, основанное на том самом насилии, которое введено и утверждено тем самым церковным христианством, в которое они давно уже не верят.

Так что одинаково верят в необходимость насилия, как главное орудие устройства общества, как те, которые, как рабочий народ, верят в законность существующего устройства общества, так и так называемые образованные люди, которые стараются постепенно исправить или революционным переворотом изменить существующее. И те и другие не только не признают, но не могут себе пред-

ставить устройства общества, как только основанное на насилии.

Вот эта-то бессознательная вера, вернее суеверие людей христианского мира в законность поддерживания устройства мира насилием и в законность и неизбежность самого насилия, – вот эта-то вера, основанная на извращенном христианстве и прямо противоположная истинному (хотя люди, освободившиеся от веры в лжехристианство, и не признают этого), и составляла и составляет до последнего времени главное препятствие для принятия людьми всё более и более выясняющегося для них в наше время христианского учения в его истинном значении.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

(К гл. VIII)

Стоит только упомянуть об учении Христа, воспрещающем противление злу насильем, и люди, принадлежащие к привилегированному, в сравнении с чернорабочими, сословию, и верующие и неверующие, только иронически улыбнутся на такое упоминание, как будто положение о возможности непротравления злу насильем есть такая очевидная нелепость, про которую нельзя и говорить серьезным людям.

Большинство таких людей, считая себя нравственными и образованными людьми, будут серьезно говорить и спорить о троичности бога, о божественности Христа, об искуплении, таинствах и т. п., или о том, какая из двух политических партий имеет более шансов на успех, какой союз государств более желателен, чьи предположения более основательны: социал-демократов или социалистов-революционеров, — но и те и другие совершенно согласно убеждены в том, что о непротравлении злу насильем нельзя гово-

ритель серьезно.

Отчего это?

А оттого, что люди не могут не чувствовать, что признание положения о непротравлении злу насильем под корень разрушает всю установившуюся их жизнь и требует от них чего-то нового, неизвестного и кажущегося им страшным.

От этого-то и происходит то, что вопросы о троичности, о бессеменном зачатии, о причастии, крещении могут занимать людей религиозных; так же могут занимать людей нерелигиозных вопросы о политических союзах, партиях, о социализме и коммунизме, но вопрос о непротравлении злу насильем им представляется какой-то удивительной бессмыслицей, и тем большей бессмыслицей, чем большими преимуществами при теперешнем устройстве мира пользуются люди.

От этого происходит и то, что наиболее резкое отрицание учения о непротравлении и непонимание его всегда пропорционально степени власти, богатства, цивилизации людей.

Люди, занимающие важные положения во

власти, люди очень богатые, люди, привыкшие к своему положению, и люди, оправдывающие это положение, как большинство ученых, только пожимают плечами в ответ на упоминание о непротивлении. Люди менее значительные, и менее богатые, и менее ученые – менее презрительны. Еще менее презрительны люди еще меньшей важности, достатка и учености. Но все-таки все люди, жизнь которых непосредственно основана на насилии, хотя и не одинаково презрительно, но всегда отрицательно относятся к мысли о возможности приложения к жизни учения о непротивлении злу насилем.

Так что если бы решение вопроса об освобождении себя от извращенного христианского учения и вытекающего из него допущения насилия, нарушающего любовь, и признание христианского учения в его истинном значении зависело только от людей цивилизованных, пользующихся в нашем обществе в материальном отношении лучшим, в сравнении с большинством рабочего народа, положением, то предстоящий переход людей от жизни, основанной на насилии, к жизни, ос-

нованной на любви, еще не был бы так близок и настоятелен, как он близок и настоятелен теперь и особенно у нас в России, где огромное большинство народа, более двух третей, еще не развращено ни богатством, ни властью, ни цивилизацией.

А так как этому большинству народа нет причины и выгоды лишать себя блага любовной жизни, допуская в нее возможность насилия, то среди этих людей, не развращенных ни властью, ни богатством, ни цивилизацией, и должна бы начаться та перемена строя, которую требует совершившееся уяснение христианской истины.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

(К гл. XVII)

Но как ни странно кажется мне ослепление людей, верящих в необходимость, неизбежность насилия, как ни неотразимо очевидно для меня неизбежность непротивления, не разумные доводы убеждают меня и могут неотразимо убедить людей в истине непротивления, убеждает только сознание человеком своей духовности, основное выражение которого есть любовь. Любовь же, истинная любовь, составляющая сущность души человека, та любовь, которая открыта учением Христа, исключает возможность мысли о каком бы то ни было насилии.

Полезно ли, не полезно ли, вредно ли, безвредно будет употребление насилий или терпение зла, я не знаю и никто не знает, но знаю и знает это всякий человек, что любовь есть благо, благо и любовь ко мне людей и еще большее благо и любовь моя к людям. Самое же великое благо – это любовь моя к людям не только не любящим меня, но, как и сказал Христос, ненавидящим меня, обижаю-

щим меня, делающим мне зло. Как ни странно это кажется тому, кто не испытал этого, это так, и когда вдумаешься в это и испытаешь это, то только удивляешься, как мог я не понимать этого. Любовь, истинная любовь, любовь, отрицающая себя и переносящая себя в другого, есть пробуждение в себе высшего всемирного начала жизни. Но она тогда истинная любовь и тогда дает всё то благо, какое она может дать, когда она только любовь, освобожденная от всего личного, от всякой малейшей доли пристрастия для себя к предмету любви. И такая любовь может быть только к врагу, к ненавидящим, обижающим. И потому предписание любить не любящих, а ненавидящих, не есть преувеличение, не есть указание на возможность исключений, но есть только указание на тот случай, ту возможность получения высшего блага, какую дает любовь. То, что это так должно быть, вытекает из рассуждения, и стоит испытать это, чтобы убедиться. Так что случаи обиды, нападения станут дорогими, желательными. Так что, вникнув в сущность свойств души человеческой, мы увидим, что она такова, что от-

вечание злом на зло заставляет ее страдать, и напротив, отвечание любовью на зло дает высшее доступное ей благо.

И потому всякое противление злу злом есть лишение блага, всякое любовное отвеча-ние на зло есть приобретение блага, и такого блага, которое, уничтожая личность и потому давая высшее благо, уничтожает вместе с тем и всякое страдание и, главное, вызывающее сопротивление пугало – страх смерти.

Комментарии П. С. Попова

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

20 января 1908 г. Толстой записал в Дневнике: «Начал писать статью «Об упадке, безверии и непротивлении. Не очень дурно, но слабо» (т. 56, стр. 93). Эта запись является первым свидетельством о работе Толстого над статьей «Закон насилия и закон любви», которая первоначально была озаглавлена «Все́му бывает конец». Однако, переработав несколько раз первую черновую редакцию начала статьи, Толстой вскоре отложил ее и стал писать статью в форме воззвания. В Дневник 9 февраля он внес ряд мыслей и пометил: «Всё это заметки для задуманного воззвания» (т. 56, стр. 99).

Форма воззвания была также скоро оставлена Толстым. Она нашла отражение лишь позднее, в двух последних главах статьи. Толстой вернулся опять к первой редакции статьи, начав разрабатывать и расширять в ней

ту часть, в которой говорилось о состоянии современной прессы.

Мысль об обзоре номера газеты у Толстого возникла еще в 1888 г. (см. запись 24 ноября, т. 50, стр. 4). В первой стадии работы над «Законом насилия» эта тема также включалась в план статьи. Толстой девять раз переделывал главу о газетах. Между тем позднее он решил посвятить обзору номера газеты отдельную статью, что и исполнил, написав в 1909 г. статью «Номер газеты» (см. т. 38).

Начав перерабатывать часть первой редакции, касающуюся состояния прессы, Толстой присоединил к ней и набросок воззвания в виде второй главы. Вскоре статья выросла и насчитывала уже девять глав.

В Записную книжку Толстой заносил свои мысли в соответствии с переработкой и расширением темы статьи (см. записи за февраль – март 1908 г., т. 56, стр. 313—319).

По мере того как статья разрасталась, работа над ней усложнялась. 21 февраля Н. Н. Гусев записал в своем дневнике: «Про свою статью «Все́му бывает конец», над которой он теперь работает, Л. Н. сказал мне сегодня: Я там

так напутал... Вот вы имейте это в виду, когда будете писать. – Что? – Я вчера был в дурном расположении духа – и все-таки начал писать, и всё перемешал и испортил».[1] 23 февраля: «Теперь я буду свою чепуху кончать (это он сказал про статью, которую теперь пишет, – «Всему бывает конец»). Хотя она и чепуха, но она так захватила меня, что не могу ничем иным заниматься».... Я понял, что... он назвал свою статью «чепухой» именно потому, что ему долгое время, несмотря на все усилия мысли, не удавалось выразить то, что он хотел, с достаточной ясностью и определенностью. Он недавно даже приписал на обложке после заглавия «Всему бывает конец»: «даже и этой чепухе».[2] Обложка, описанная Гусевым, сохранилась; на ней помета: «17 марта».

В работе Толстого назревал перелом. К середине марта 1908 г. определилось, что Толстой недоволен статьей в том виде, как она развивалась. 9 марта он отметил в Записной книжке: «Статья плохо подвигается. Думается об описании убийц революционеров, палачей и правительства» (т. 56, стр. 301); в Дневнике

10 марта: «Не идет, а не хочется оставить» (т. 56, стр. 109); и в Записной книжке 18 марта: «Хочется бросить начатую статью» (т. 56, стр. 321).

К этому сроку кончается тот этап работы, который определяется заглавием «Всему бывает конец». В связи с новым приступом к работе материал начинает распределяться уже в соответствии с окончательной структурой статьи «Закон насилия и закон любви». Между тем старое заглавие статьи еще продолжало держаться. Последний раз под этим заглавием статья фигурирует 5 апреля (помета на обложке). Однако в связи с перепланировкой всего материала Толстой стал подыскивать и новое заглавие. Так имеется обложка с рядом заглавий: «Не может не быть», «Христианское учение в его истинном значении», «Закон любви – закон высший». Заглавие «Закон насилия и закон любви» Толстой зафиксировал окончательно 12 мая 1908 г., хотя впервые статья была им обозначена 23 апреля.[3]

Во второй половине марта Толстой приступил к новой редакции статьи. 21 марта он записал в Дневнике: «Нынче спал до 9 часов и,

несмотря на нездоровье, писал статью очень хорошо. Всё, что было неясно, уяснилось, и гуля думал, и кажется всё ясно, и допишу» (т. 56, стр. 110).

Толстой вернулся к черновикам второй редакции. Переработав часть этой редакции, он пометил ее первой главой (впоследствии эта часть составила предисловие); затем он сравнительно быстро стал переходить от одной главы к другой, вовлекая порою написанное ранее, хотя и располагая материал по новому плану, близкому к окончательной версии «Закона насилия».

К концу марта статья вчерне была закончена. Она составила из девятнадцати глав. В конце статьи Толстой пометил: «30 марта 1908 кончено начерно».

Внеся в эту редакцию статьи некоторые исправления, Толстой 14 апреля отдал ее в переписку. В письме к В. Г. Черткову от 1 мая он сообщил: «Статью кончил и взялся за другое, пока жив» (см. т. 89). Между тем вскоре же, получая переписанные части статьи, Толстой вновь начал ее «просматривать» и вносить изменения и дополнения. 10 мая Толстой

внес на место главы XIII несколько измененную свою статью «Христианство и воинская повинность». К рукописи этой главы приложен экземпляр названной статьи в изд. «Обновление» (1906) с датой Н. Н. Гусева: «10/V 08». 12 мая Толстой вновь отметил в Дневнике: «Прочел местами свою работу «Закон насилия и закон любви», и мне понравилась, и я кончил ее» (т. 56, стр. 117).

Но и на этот раз Толстой не окончил работы над статьей; следовал лишь перерыв до начала июня, в связи с другими работами. Окончательная редакция составила 2 июля (авторская дата); отдельные же исправления Толстой вносил 8 июля и 6 августа.

В июне Толстой главным образом работал над главами X—XII. Для этих глав он использовал ряд печатных материалов, а также и письма своих корреспондентов.

Делая новые вставки и дополнения, Толстой наряду с этим выпускал некоторые ранее написанные главы. 16 июня Н. Н. Гусев записал в дневнике: «Вчера после обеда Л. Н. сказал мне: «Я сегодня в статье сделал кое-какие поправки. Одну главу я думаю совсем вы-

пустить. — Какую, Л. Н.? — Третью, — если помните, о русской революции. Она нарушает стройность изложения. Я еще над ней (то есть над статьей) поработаю: это для меня такой важный вопрос непротивления, хочется его выяснить основательно».[4] По времени эта запись Гусева совпадает с моментом перенесения части главы III в приложение I. За месяц до этого, 8 мая, Толстой выпустил еще две главы: IX, из которой образовалось Приложение II, и X — Приложение III.

Впервые статья «Закон насилия и закон любви» была опубликована неполностью и с цензурными пропусками в газете «Киевские вести» 1909, № 47 от 17 февраля (предисловие и гл. I—II); № 49 от 19 февраля (гл. III—V); № 52 от 22 февраля (гл. VI—VII). Полностью впервые, но с большим количеством опечаток и ошибок, опубликована в изд. «Свободное слово» (Christchurch, England, 1909); более исправный текст был опубликован в 1917 г. в изд. «Солдат-гражданин», № 6, под ред. В. Г. Чертова.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье «Закон насилия и

закон любви» исчисляется в 1536 листов разного размера (в том числе и отрезки). Весь материал располагается в рукописях под №№ 1—58.

Рукописи №№ 1—27 представляют собой хронологически расположенные, начиная с первого автографа, рукописи ранних редакций статьи, носящей заглавие «Всему бывает конец» (январь – март 1908 г.). Рукописи №№ 28—58 относятся ко второй стадии работы Толстого над статьей, когда окончательно выяснился план статьи, озаглавленной «Закон насилия и закон любви» (апрель – июнь 1908 г.). В этих рукописях материал расположен последовательно по главам (так, в рук. № 28 – предисловие, № 29 – гл. I, № 30 – гл. II и т. д.). Некоторые главы занимают по несколько рукописей. Внутри каждой отдельной главы материал располагается хронологически, в порядке последовательной работы над ней. Рукописи №№ 53—54 содержат обложки с пометами и датами Толстого и Н. Н. Гусева. Последняя полная исправленная Толстым редакция статьи находится в рук. № 58.

В настоящем издании статья «Закон наси-

лия и закон любви» печатается по рук. № 58.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выразившие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.[5]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широ-

чайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[6]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душевных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неумолимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».[7] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно

«обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».[8] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам.... и пишу не нечаянно, а сознательно...»[9] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие».[10] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кри-

зиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[11]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возраставшим стольпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца»[12].

Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители хри-

стианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опровергает обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый про-

тест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы

слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «*Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством*». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу мол-

чать» была так велика, что перекрывала места, выражавшие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выразалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [13] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его

известность как художника.[14]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротивления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержа-

щую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[15] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке,

всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки».[16] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоре-

чия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[17] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство.... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[18] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только

для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности».[19]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[20] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[21], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих

идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках

лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г.
между стр. IV и V.

Примечания

Н. Н. Гусев «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 94.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 96.

[^^^]

Там же, стр. 129.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 66.

[^^^]

5

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

[^^^]

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

Т. 54, стр. 52.

[^^^]

Т. 84, стр. 128.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

12

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

[^^^]

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

[^^^]

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

[^^^]

Т. 57, стр. 200.

[^^^]

Т. 57, стр. 82.

[^^^]

Т. 58, стр. 65.

[^^^]

Т. 55, стр. 62.

[^^^]

Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

[^^^]